

Дмитрий Филатов

(род. 1958 в Москве) –
великий русский поэт,
трижды герой мира,
председатель вселен-
ной, автор этого текста.

CheBuk

Дмитрий Филатов

ПОЛЁТ В ТРУБУ И ПРОЧИЕ ЗАТЕИ

ISBN 978-9984-816-34-0-0

9 789984 816340

Дмитрий Филатов
ПОЛЁТ В ТРУБУ
и прочие затеи

CheBuk
просто хорошие книги

УДК 82.1
ББК 82 (Рос-Рус)6

Дмитрий Филатов

ПОЛЁТ В ТРУБУ и прочие затеи

Художник: Зоя Фалькова

ISBN 978-9984-816-34-0

© Дмитрий Филатов, 2010 – текст.
© Дмитрий Быков, 2010 – предисловие.
© Зоя Фалькова, 2010 – иллюстрации.
© Чеслав, 2010 – дизайн и верстка.

CheBuk

Один раз я уже писал предисловие к книжке Филатова, а он к моей. Первая книжка была у нас на двоих. С одной стороны я, с другой – Филатов, типа перевертыш. Привлекать мэтров нам не хотелось, и мы определили друг друга.

Теперь, 18 лет спустя, Филатов выпускает вторую. Это что-то даже несколько чересчур по части требовательности к себе. Думаю, определяется такой интервал не столько требовательностью, сколько благородным пофигизмом относительно собственной судьбы. Когда-то Велимир Хлебников сжёг на костре целую наволочку своих стихов, чтобы у этого костра «подольше было хорошо». Филатов пишет – и пьёт, и женится, и растит детей, и работает, и вообще живёт, – исключительно для того, чтобы было хорошо. И ему, и окружающим. Я никогда не видел более обаятельного и притом искреннего человека, потому что обаяние вещь сложная, оно часто замешено на игре, на маске, на фальши, в общем. Филатов никогда не фальшив, но мало кто умеет сплотить компанию, как он; сказать единственно нужные слова, как он; собрать вместе правильных людей и самому насладиться получившимся союзом.

Со стихами сложнее – их очарование не объясняется тем, что автор хороший человек и умеет осчастливить прочих. Филатов – самый серьёзный из иронических поэтов, начинавших печататься одновременно с ним (он помладше Иртеньева, Вишневого, Добрынина, на два года старше Степанцова). Собственно, он из них наиболее лирик. Юмор его – неизбежное для человека конца века желание снизить пафос. Но чёрной иронии, которая, скажем, преобладала в клубе «Поэзия» при журнале «Юность», – у Филатова нет. Он в этом поколении особняком, почему никуда и не входил, и не ходил, кроме рок-кабаре Алексея Дидурова, где собирались люди принципиально разномастные. Филатов – не постмодернист, не иронист, не стёбщик, у него всё очень серьёзно. Он принадлежит к предпоследнему советскому поколению, воспитанному шестидесятниками и искренне верящему, что люди могут и должны жить по-человечески, только не надо им мешать.

Когда-то последним хорошим советским поэтом назвали Поздняева, о чём он сочинил целую балладу (отличную). Я бы, однако, взял на себя смелость утверждать, что последний хороший советский поэт – именно Филатов, потому что в нём есть то главное и лучшее, что было в позднесоветской риторике и позднесоветском образе жизни: чувство братства, связи с чужой судьбой. Мы были, может быть, и плохая страна, и раздираемая на куски, и расслаиваемая

противоречиями, но всё-таки мы так сильно отличались от всего остального мира, что были до некоторой степени одно. Это чувство самого искреннего небезразличия к соседу Филатов несёт в себе всю жизнь. Одиночества ни он, ни его лирический герой не вынесли бы. Стихия Филатова и его героя – не просто застольный трёп, виртуозами которого они оба себя зарекомендовали, но горячее и деятельное желание привнести в холодный окружающий мир малую толику живых интонаций и человеческого сострадания. Поэзия Филатова лечит, причём ненавязчиво и с некоторой даже ворчливостью, отличающей лишь действительно хороших врачей.

О том, как это делается, можно говорить долго: конечно, у Филатова – на гитаре не играющего, но часто пишущего песни, – хорошая бардовская школа. Между тем бардовская песня – не просто стихи под гитару и никак не самодеятельность. Это трансляция из самой сердцевины творческого процесса, вода из самого глубокого колодца, творчество в чистейшем и первозданнейшем виде, потому что настоящие стихи почти всегда рождаются вместе с музыкой, человек так устроен. Потом они отбрасываются. Стихи Филатова – именно песни: по лёгкости, непосредственности, метрическому разнообразию, энергии, парольности, которая всегда способствует мгновенному отклику. И пишутся они от тех самых вещей, от которых сочиняется песня: от счастья и грусти. Философских максим тут нет. Установки на интеллектуальность, абстрактных умствований, сведения счётов – тоже. «Птица певчая», как говорил один тяжело-весный автор о другом, лёгком (не называю их, чтобы не возникло наглых параллелей).

Однако за непосредственностью и лёгкостью этих коротких стихов умный читатель увидит тоску по стремительно проходящей жизни и благодарность ей – две главные эмоции, которые держат поэзию. Увидит он даже какие-то московские пейзажи, спальные районы нашего большого города, в общем, совершенно к нам равнодушного, – но мы их любим, потому что здесь выросли. Мы дети советских учителей, врачей и инженеров, мы где-то и сами советские учителя, врачи и инженеры. Наша страна сделала фантастический кульбит, отказавшись от всего хорошего, что было в советском, и здорово усугубив плохое. Мы, кажется, поступили ровно наоборот.

Стихи Дмитрия Филатова тому порукой.

Дмитрий Быков

ПОЛЁТ

Если назвать всех людей, которым я обязан этой книгой, до стихов доберёмся не скоро. Поэтому просто перечислю общности: литстудия «Сокольники»; рок-кабаре «Кардиограмма»; авторы и слушатели авторской песни – особенно КСП «Лефортово» и «Калужский»; театры-студии, особо – «Лицедеи» (Москва) и «Зеркало» (Красногорск); команда сайта vzasos.ru, коллеги по всем учёбам и работам (отдельный поклон газете Speed-Info); большая семья Филатовых, все её родственники, свойственники и друзья.

Отдельные спасибо – Дмитрию Быкову, автору предисловия к томуку, и Георгию (Егору) Вирену – за советы по составлению. Многих других вспомню в предуведомлениях к частям «Полета...».

Теперь о книге, которую держите в руках. В ней семь частей. Добротное магическое число – авось принесёт удачу. Особенно если учесть, что в моих имени, отчестве и фамилии – по семь букв. Чепуха, но всё же.

Стихи первой части написаны с 1992 года по октябрь 2009-го. Почти все большим тиражом не издавались. Можно сказать, это премьера написанного мной за последние 17 лет.

Вот и всё для начала.

Поехали.

В ТРУБУ

* * *

Опять мы уныло гадаем,
опять заунывно поём,
и волю даём негодьям,
и воли себе не даём,

и нас не разбудишь из пушки,
по аськам сидим ночь-полн чь,
и прячет свои почеркушки
на флэшечке младшая дочь,

и ради неё ни за что я
не брошу своё баловство.
Мы больше не дети застоя.
Мы папы и мамы его.

* * *

Купил ботинки летние,
А снег ещё лежит.
Дай Бог, чтоб не последние.
А снег ещё лежит,

А март – как будто нет его.
А время-то бежит!
Ему-то фиолетово,
Что снег ещё лежит,

Что деньги мимо капают,
Что не зовут в Париж,
Что снег, и тихой сапою
По всем каналам лишь

Холодный кесарь Вовочка,
Любитель горных лыж.
Терпи, моя обновочка,
До лета полежишь.

У времени терпение
Нехилое весьма.
Но есть такое мнение,
Что кончится зима.

И те, кто с этим мнением
Согласные вполне,
Своим свободным временем
Стекаются ко мне

Среди поста Великого
Обмыть приход весны.
Вот почему мы ликами
Красны, а не постны.

Вот почему мы водочку
Кладём на холодец
И хрен кладём на Вовочку,
Который молодец,

Да только с нами нет его...
Кастрюлька на огне,
И густо-фиолетова
Бутылка «Каберне»,

Открытая без штопора.
А значит, лету – быть.
И, стало быть, давно пора
Ботиночки обмыть.

6 ИЮНЯ

Он и лошадь, он и бык,
он и баба, и мужик.
Александр Сергеевич Пушкин
вездесущ и многолик:

токарь-пекарь, швец и жнец,
за бутылочкой гонец.
Ай, да Пушкин – наш любимый
малосольный огурец!

Он Ягу засунул в печь,
снял картину «Щит и меч»
и очистил политуру.
Заодно – родную речь.

От Тамбова до Курил –
всюду след его чернил.
«У попа была собака...» –
тоже Пушкин сочинил.

Я у зеркала стою,
в себе Сашку узнаю
и частушку сочиняю
распоследнюю свою:

– Вот уж двести с лишним лет,
как родился наш Поэт.
Кроме этого Поэта,
ничего в России нет!

* * *

Невозможно работать? Валяй дурака:
из болота тащи бегемота,
сочиняй анекдоты среди бардака,
говори: это тоже работа!
Это круче десятка унылых бумаг
про порядок и счастье полёта.
Всё в порядке, ребятки! На то и бардак.
Всё путём! Для того и болото.

* * *

Я погладил рубашку белую
и зачем-то её надел.
И сижу – ничего не делаю,
только думаю: беспредел!

Ничего не делаю – думаю.
То есть, мысленно матерюсь
на родимую, на байду мою
под коротким названием Русь.

Эта дума настолько тяжкая,
что ещё чуток – и рвану
на широкой груди рубашку я:
ё-моё! довели страну!

И рванул я рубашку – белую,
только что из-под утюга.
Вот ведь Родина!
Что ни сделаю,
сразу мысль: а на фига?!

О ВАЖНОСТИ ЗАПЯТОЙ

(патриотические стихи
для чтения вслух)

Умом Россию не понять –
Она особенная, блядь!

* * *

В.Ш.

Чтобы вышло не со злобы,
чтобы вышло от души,
имя правящей особы
на заборе напиши

и подумай, что за мука
вглядываться в эту явь,
и простое слово «сука»
справа рядышком добавь,

и спешి уже к бумаге –
весь душевный, добрый весь...
И правителю, собаке,
снова пенделя отвесь!

* * *

Что же я не дьяк думный
и не экспортёр медный?
Если я такой умный,
что же я такой бедный?

Что же я не в Дом Белый
с верноподданной мордой?
Если я такой смелый,
что же я такой гордый?

Перед долговой бездной
честно признаюсь в лени.
Что же я такой честный?
Ну и пусть. Зато гений.

СТИШОК ПРО РАСЩЕПЛЁННОЕ СОЗНАНИЕ

Прелестное гулящее создание,
косящее под Ксению Собчак –
народ имеет право на восстание! –
упрямо пьёт и курит натошак,
размазывает ноготком со стразами
по барной стойке каплю вискаря –
*властями насаждаются сон разума,
бардак и вера в доброго царя!* –
роняет столбик пепла мне на брючину
прелестного создания модель,
*а я тут прокламацию вымучиваю
под белы ноги девы
и мартель.*

* * *

Никогда я не буду богатым
в пересчёте меня на рубли.
Сочиню я трилогию матам
для кино о великой любви,

и потопаю с ней в Сан-Франциско,
и её по дороге сопрут –
это вам не собачья пиписка,
а общественно значимый труд!

От такой оголтелой непрухи
я уйду в пятилетний запой –
до России докатятся слухи,
что Филатов покончил с собой.

Но в последней, но в чистой рубашке,
весь в отказе от водок и вин,
я воскресну на первой рюмашке
среди собственных сороковин.

И подарят мне белые тапки.
И потребуют сняться в гробу.
И на радостях страшные бабки
улетят, как и надо, в трубу!

* * *

Я в мавзолее – ё-ка-лэ-мэ-нэ! –
Не возлежал недвижимый и ненужный.
Ах, утону я в Западной Двине!..
А, впрочем, не-е...
Давайте лучше в Южной!

Я никогда не ездил на слоне,
Но и слоны на мне не гарцевали.
Страна не пожалеет обо мне
(СССР). И я о ней едва ли.

Я женщинам не врал. Но как я вру,
Когда прошу их не любить поэта!
Я не умру. А если и умру –
Неправильно. Ненадолго. За это.

* * *

Она вошла в сатюлевом плаще,
заговорила на литературе,
и думал он, что это бляваще,
и просто бля, и даже бля-в-натуре.

По всей земле мело, мело, мело
во все пределы, и свеча горела,
и думал он, как это запаadlo
быть Гамлетом в эпоху беспредела,

что на разборку не пришла Москва
с повинной головою, прям как эта,
что Бенья Крик и вся его братва –
таки слабо им до Спорткомитета,

а Мышкину хоть на спину утюг,
и фиг его повяжешь на подставе!
О, как они кричали, пальцы рук –
о подвигах! о доблести! о славе!

Как разлетались веером персты!..
Но истекла последняя минута
свидания. На все его понты
она клала – и вежливо, и круто.

Ни бакса не слупила, ни рубля.
Назначила очередную встречу.
«Мне скучно, бес, – подумала. – Без бля!»
А буря мглоу крыла у Кремля...

Всё так и было. За базар отвечу.

22 АПРЕЛЯ

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.

С. Михалков

Я был в субботу у друзей,
И плохо мне с утра.
«Я поведу тебя в музей! –
Сказала мне сестра. –

Увидишь дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист...»
А мне что Ленин, что цирроз.
И я не мазохист,

Чтоб с бодуна идти в большой
Красивый красный дом.
Сестра, как встала над душой,
Так и долбит: «Пойдём!

Там книжки выстроились в ряд –
Он в детстве их читал.
А у тебя все книги, брат,
Издательства «Кристалл»!

Ильич – он рано стал борцом,
По выходным не дрых
И не лежал к стене лицом
Мертвее всех мертвых!

Тебя бы кто сослал, алкаш,
В сибирское село!
И дальше – про его шалаш,
Про старое весло,

Про чайничек с дырявым дном,
Где Ленин воду грел.
(Чем топать в этакий дурдом,
Гуманней под расстрел.)

Я слушаю про Петроград
В году суровом том:
Бежит матрос, бежит солдат,
И только я – пластом.

Рабочий тащит пулемёт,
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Народ не пьёт!
В музей, а не в запой!»

Сдают отряды и полки
Бутыли первача,
Из Зимнего большевики
Добыли Ильича,

И в руку Ленину они
«Ессентуки» суют,
И клятву Ленину они
Торжественно дают:

«Клянёмся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И то же самое зашить,
Что он себе зашил!»

Рассказ сестры меня потряс.
И я в полубреду
Привстал, как в анекдоте («...Щас!
Всё брошу и пойду!»),

И крикнул я: «Кукареку!
Пойдём другим путём!»

Сестра спросила: «По пивку?..
Ну ладно, брат, пойдём!»

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.

* * *

Уже который год подряд
символизирую идею:
как сильно я разбогатею,
как только *наши* победят!

Ура! Без денежных долгов
я стану веселей и краше.
Но раз уж победили *наши* –
останусь так же бестолков.

И сразу же заеду в глаз
кому-то *Самому Из Нас...*
И лишь духовностью богатым
пойду звездеть своим ребятам.

О том, как августовским вечером два тёзки (один из них – автор текста), выйдя из дверей трактира «Не гони!», что на Суцеском Валу, пьяным делом на спор разделись до нитки – и т.д. Правдивое описание реальных событий.

ДАЁШЬ ВЕЛИКИЕ ДЕЛА!

Из ресторана вышла пара.

И над обрывом тротуара мы обнажились догола.

Два мужика, два пьяных тёзки, стянув трусы, затем носки, разгладив на трусах полоски, носками промокнув виски, поклав одежду на ботинки не абы как, а чтоб не смять, для понта сдув с неё пылинки, в чем родила стояли мать и вдаль глядели – метра на три, глаза не опуская вниз, как два атланта у кулис в бесплатном городском театре, где души эдаких подпорок (ему – за тридцать, мне – за сорок) попёрли в споре на рожон: как круче свинчивать от жен? И –

опрокинув над вопросом ещё по триста грамм на грудь: покинуть дом нагим и босым – нам, как два пальца протянуть! мы завсегда и наготове! не то, что рядом молодёжь!

И тёзку я поймал на слове, а он меня – на слове тож. И –

мы стоим у ресторана под вечер августа. Бандит и журналист. По бабам – рано. И ветер перед холодит. Жизнь – коротка, одежда – лажа. Два безыскусных персонажа две сигареточки смолят. Прохожая отводит взгляд.

Стоим, в чём мама родила, прикуриваем друг у друга – бандюга верзус журналюга. И – за спинами по два крыла.

Я подпираю левым тёзку (он меня – правым, он правша) и мы берём трусы в полоску и надеваем не спеша. А муза дури в летнем зале с понятием кивает нам. Мы ей не показали срам.

Зато, конечно, показали перед тугой трактирной дверью, как одеваться типа лень, как задницу щекочат перья, засунутые под ремень, и спину точат опахалом, и хочется разинуть клюв..

Москва текла Суцеским Валом, нас провожала, не сморгнув.

Два пьяницы, врата трактира толкнув, протиснулись бочком, как в бочку полную тротила – дышать раскуренным бычком, друг другу жечь сердца глаголом, на брудершафт курлыкать тост, как здорово летать, брат, голым! Не ради спора. В полный рост.

...Когда нас вынесли наружу в ночь за полночь, был звёздный час. Мы бы не раз упали в лужу, но лужи не было для нас, а были для меня и тёзки две самобеглые повозки, дорога в мягком полусне: ему в бордель, а мне к жене, а утро ночи мудренее, а кто помог бы снять штаны, а после до утра во сне я летал. Под боком у жены.

О, прочитавший это критик, слабо раздеться догола по пьяни? Кроме дел великих, есть и забавные дела, есть тяга дуркануть по новой, ничью не умаляя честь, и тёзка мой бритоголовый сменил профессию, но – есть.

И воспарить в крылатой шкуре – на раз обоим. Третий Рим мигнёт. Кивнёт нам муза дури.

Невелики дела в природе.

На том стояли и стоим.

* * *

А. Воронкевичу

Короче, всё как у людей:
Мотивы есть, да нет идей,
А что до водки и блядей,
То – только свистни...

А, впрочем, это пустяки.
Дочь ищет папкины носки,
И это очень по-людски,
По-человечьи.

А папка тоже человек,
Давно замысливший побег
В юдоль трудов и долгих нег.
А дочь всё ищет.

Мой человечнице чудной,
Да брось ты, посиди со мной.
И вот она сидит со мной,
Прижавшись, любит

Как никого и никогда.
Как я любил в её года
Отца и маму – это да,
Передаётся.

А чтобы это передать,
Нужны отец, любовь и мать.
Поменьше пить и блядовать –
И всё найдется.

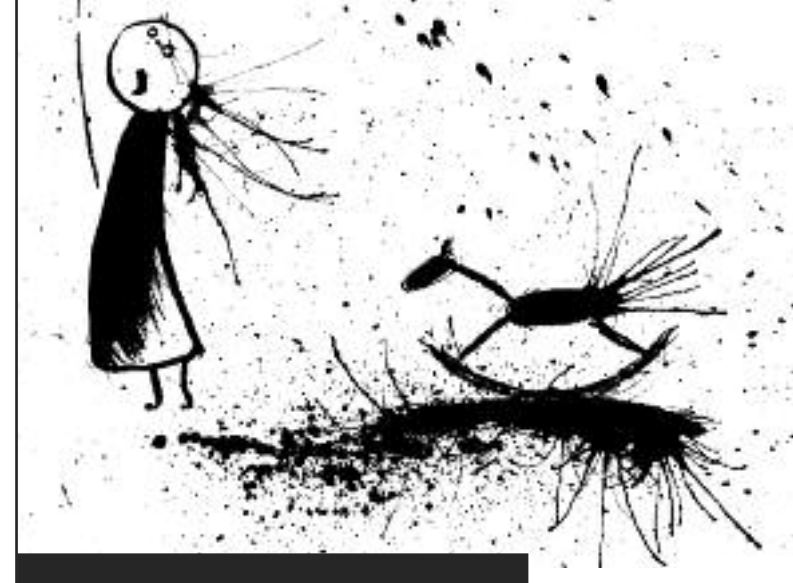
* * *

Всё труднее сочинить,
чем с утра себя чинить:
то ли пивом, то ли словом,
то ли просто чем-то новым.

Выпиваю чашку чаю,
обещаю не курить,
дочку-бучку обучаю
«с добрым утром» говорить.

А она меня смешит,
нашу булочку крошит,
и никак не прожует,
и меня переживёт.

Я поэтому в субботу
на работу не спешу.
Я шагаю на работу –
ровно крыльями машу.

ЙОГ И ЙОД

Сел на гвоздь индийский йог.

И спокойно съел пирог,
Выпил свой индийский чай,
Не сказал ни разу «ай!»,
Не сказал ни разу «ой!»
И с гвоздём ушёл домой.

Дома йог полез в комод,
Вынул баночку, где йод,
Вынул гвоздь, помазал ранку,
Выбросил пустую банку.

Йогу очень нужен йод –
Три-четыре бочки в год.

ТИХИЙ УЖАС

Бородатый и огромный
ходит задом наперёд
вдоль по комнате по тёмной,
ночью за руку берёт.

Он зубастый, как акула,
у него пятнадцать ног.
Это он сейчас со стула
на пол уронил носок.

Мимо папы, мимо мамы
он крадётся в темноте –
у него глаза, как ямы,
и рога на животе.

Он почистил зубы на ночь
и пришёл сидеть со мной –
тихий Ужас Великаныч
по фамилии Ночной.

Он меня не забывает,
навещает перед сном
и зевает, завывает,
будто ветер за окном.

Почему ему не спится?
Я ответить не берусь.
То ли он меня боится,
то ли я его боюсь.

Мы минутку для порядку
побоимся вместе с ним
и про Чёрную Перчатку
сказку на ночь сочиним.

Я во сне достану шпагу,
мы пойдём, и победим,
и медалью за отвагу
мы друг друга наградим.

Мы отважно спать умеем,
и боимся я и он
лишь того, что не успеем
досмотреть десятый сон.

Я почистил зубы на ночь.
Тихий Ужас Великаныч
по фамилии Ночной...
приходи... побудь со мной...

* * *

Дай Бог здоровья, и еще звезду
на сигарете, и бутылку пива.
Не юноша, а все чего-то жду,
какого-то диковинного дива.
А у меня – то инопланетяне,
то комары из люка в потолке,
то новый век на медном пятаке,
подаренном товарищем по пьяни.

И девочка в коммерческой палатке
берёт с меня четыре щелбана
за две антипохмельные таблетки.
Она в меня немного влюблена
и радуется: «Здравствуй, дядя Дима!»

Дивны Твои дела, о Господи: она,
глоточек пива и глоточек дыма.

* * *

Пока не мне сухарики в Бутырку,
пока не мне дерюга на суму –
откупорю шампанского бутылку,
и дорогую за руку возьму,

и строчку сочиню, чтоб улыбнуться,
и в гордом одиночестве запью
чай за полночь, и не дороже блюда –
не важно что! – на счастье разобью,

и дорогая, сонная, на грохот
вернётся, как свобода, нагишом.
И будет нам как минимум неплохо,
пока пишу о том, что хорошо.

* * *

До Бога высоко. И до царя
так далеко, как высоко до Бога.
Орлиный клёкот, тёплые моря,
и жёлтая кирпичная дорога,

и город золотой – не тут как тут.
Из дома на Шипиловском проезде
не видно антарктических созвездий –
здесь у подъезда тротуар метут

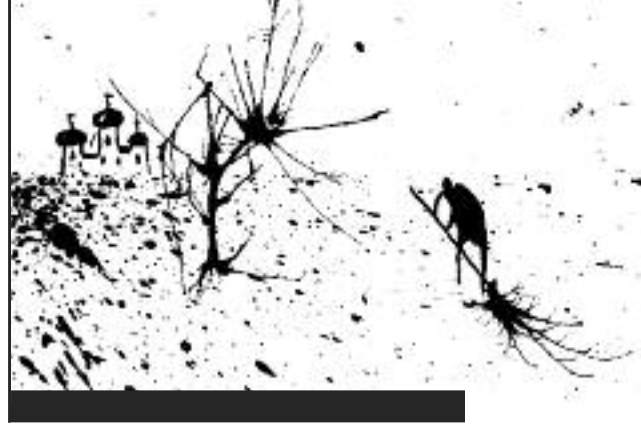
два иностранца в синей униформе,
и голубей сухариками кормит
бабулька со второго этажа,
и видно, что она здесь госпожа,

а два таджика – хоть бы слово ей:
метут и мётлами обходят крошки,
не отгоняют здешних голубей
от бабушки и даровой кормёжки,

и неохота, поглядев на это,
в отрыв пускаться от обжитых мест
туда, где город золотого цвета,
где тёплые моря и Южный Крест,

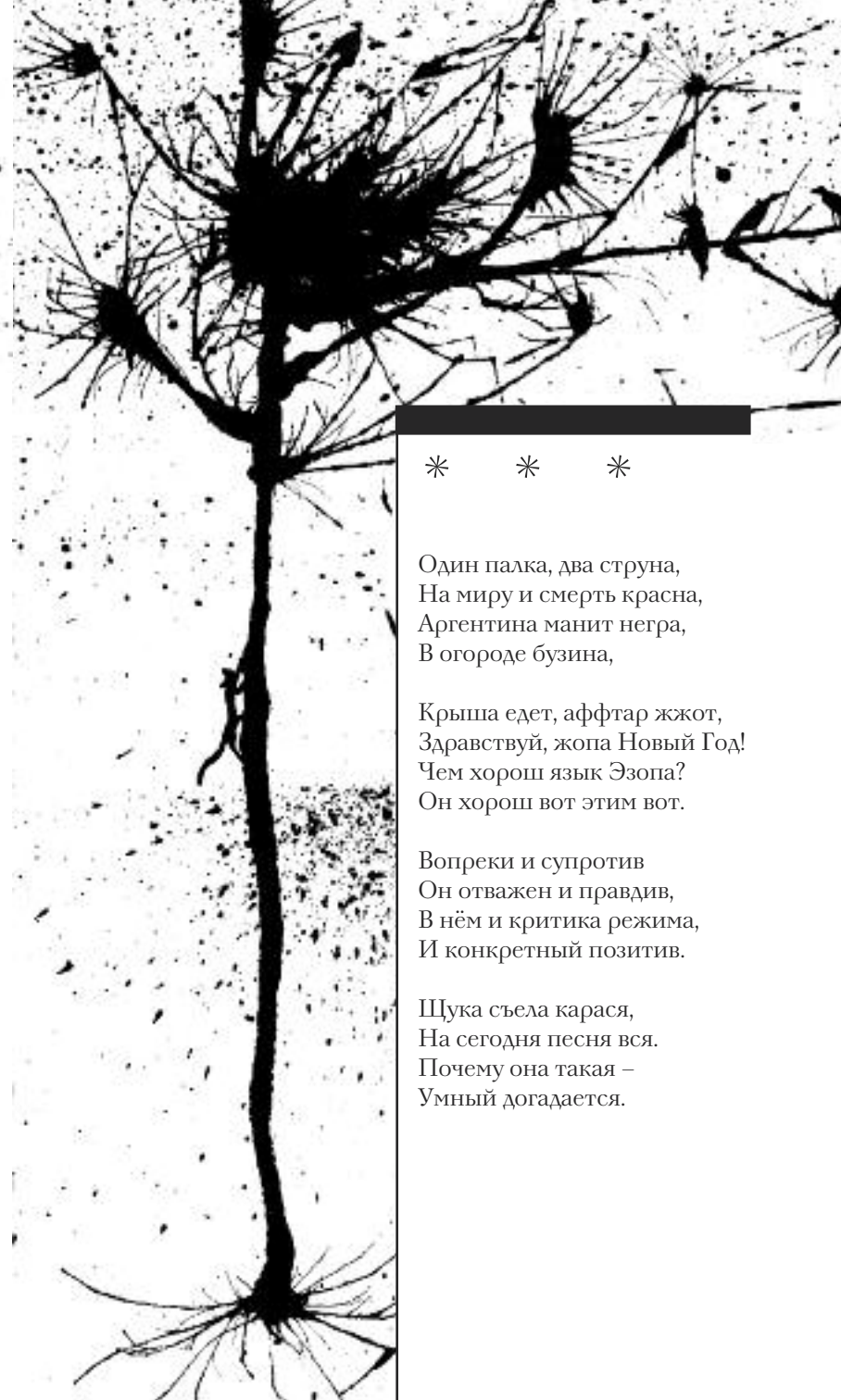
где станешь президентом или гуру,
преобразуешь местную культуру,
нездешней удостоишься любви...

Пищи своё. И Бога не гневи.

* * *

Не трендеть о предмете поэзии,
а построить
достаточно строк,
чтоб такого-то срочно повесили,
а его камарилью –
в острог,
чтоб такому-то ноги отрезали,
чтоб его генералам –
дисбат,
а дискуссиями о поэзии
не исправишь
того, кто горбат –
экзекуции и конфискации,
«семь плюс пять по рогам» – и адъё!
После – можно о белой акации,
про душистые гроздья её,
можно водочки выпить без повода,
философствовать
ночь напролёт,
но сначала – повесить такого-то.
Он поэзии
жить не даёт.

* * *

Один палка, два струна,
На миру и смерть красна,
Аргентина манит негра,
В огороде бузина,

Крыша едет, аффттар жжот,
Здравствуй, жопа Новый Год!
Чем хорош язык Эзопа?
Он хорош вот этим вот.

Вопреки и супротив
Он отважен и правдив,
В нём и критика режима,
И конкретный позитив.

Щука съела карася,
На сегодня песня вся.
Почему она такая –
Умный догадается.

* * *

Главное, что я не одинок.
Топаю, бегу и не скучаю,
получаю в задницу пинок,
от передних руки получаю,
сам передним выдаю пинки,
взад-вперёд протягиваю руки,
и бегут по свету дураки –
войско против скуки и разлуки.
Встречные нас хлещут по щекам
и за око выбивают око.
Больно жить на свете дуракам.
Но – не скучно. И не одиноко.
И, конечно – те, кто впереди,
нам поют про светлые денёчки.

Топай, дурачье, беги, иди,
чтобы не пропасть по одиночке.

* * *

Кое-что я знаю неплохо: сколько ни заходи с бубей, сколько на ночь ни ешь гороха и в какой барабан ни бей, как ни овладевай харакири, за какие ни плавай моря, всё равно: дважды два – четыре, и строптивее всех – моя, в мире нет норовистой норова, тут качай не качай права...

Объяснить, почему с ней здорово, не сложнее, чем дважды два: я не шастаю за три моря, ни в какой барабан не бью, о неважном с женой не споря, обожаю жену свою.

А ведь я и она – одна сатана, и что ни день у нас, то – день Бородина.

Ура!

* * *

Сергею Канашенко

Полегоньку с бородой,
потихонечку с гитарой –
старый, старый, молодой,
молодой, еще не старый.

Понемногу за женой,
и опять – за семиструнной.
Старый, старый, пожилой,
молодой – и даже юный,

потому что не старо
(и конечно же, не ново!)
трёхминутное добро
через музыку и слово –

эта песенка без ко-
нца и правильного слога.
Чтобы спеть ее легко,
надо жить умно и много,

и подтягивать струну,
и почёсывать щетину,
и гитару, как жену,
обнимать за середину,

пальцы собирать в щипок,
вынимая из заначки
песню маленькой собачки,
что до старости – щенок.

* * *

Промашка вышла.

С первым же лучом знакомый ангел
огненным мечом мне память замыкал («уста
печатью»), чтоб я не проболтался ни о чём.

Свой первый крик в роддоме на Мошковой
не помню, что в «сорочке» лез на свет, не помню.
Обадевший, бестолковый, измеренный
и взвешенный, здоровый – досаду помню.
Остальное – нет.

Я помню, что от края и до края... не помню
как его?... прообраз рая?... обозревал всего-то миг
назад, всё постигая, чтобы, мать родная, быть
выброшен куда глаза глядят!

Глаза глядели не куда-нибудь: как оказалось,
маменьке на грудь, а после и отцу в глаза глядели
(держал головку над его плечом, не помню как.
У ангела с мечом – глаза отца), на родинки
на теле, расставленные точно по местам родства
с родителями – там, и там, и там...

А дальше снова в памяти прорехи: Гагарин,
но не помню про шнурок; зато прекрасно
помню, что у Пьехи был город или остров
Манжерок; потом Даманский, Недаманский,
чехи нас обыграли, после дал зарок не пить
(в пятнадцать лет со дня рожденья соседа
Женьки прибыл, выраженья отцовского лица
не помню, но был мораторий даже на вино);
и дальше – пораженья и успехи, по памяти то
попыньи, то вехи, то больно, то смешно – и вот
оно: мать, две жены, два сына и две дочки, живу,
корячусь, на семью и строчки сил то хватает, то
опять – пробел. Отец уже *на том на самом свете*,
на *этом* – мама, две жены и дети, друзья, работа,
строчки...

обабдел, а завтра на Ваганьково, к бабуле, к отцу,
погибшему в нашем июле через шесть дней, как
сыну сорок лет, к прабабушке, которую – да,
помню! к прадедушке, которого не помню,
не видел. Не застал. Не помню. Нет.

Да, я *там* был: пространство типа рая
обозревал от края и до края, среди беспечных,
бесконечных дней бесчисленную мудрость
пожиная, всё зная!

Ничегошеньки не зная о ней...

Не зная ничего *об этой самой*, куда меня
родили папа с мамой (пусть переименована
страна, в которой пусть я не великий предок,
но сыновья и дочери в честь дедок и бабок полу-
чили имена), *об этой жизни* ничего не зная,
я сделал так, что мне она – родная, что мной она,
родная, продлена.

Да, в этом не одна моя заслуга. Без вас, родня,
и без тебя, супруга, и без тебя, дружище, – что
здесь дашь?

И всё-таки – с рожденья эйфория от музыки
и слов «Аве, Мария...», от выдоха и вдоха
«Отче наш...». Насколько легче жить на свете,
зная, что есть, ребята, в жизни жизнь иная, куда
тебя, Бог даст, ещё возьмут, дадут попеть
про водку и берёзы, утрут невысыхающие слёзы
о тех, кого самим оставил тут.

Бог даст, уйду в супружеской кровати.
За жизнь спасибо матушке и бате.
За то, что отлучусь до новых встреч,
спасибо всем. Пожалуйста, рюмашку
на проводах махните за промашку,
когда тот ангел вновь поднимет меч.

* * *

Мы смеялись от анекдота
или от другого чего-то,
от чего случайное фото
было щёлкнуто от души,
нам на радость, а не на горе.
Жизнь прекрасна.
Memento mori.
Помним, Господи.
Ты смеши,
освещай наши души вплоть
до ухода туда куда-то.

Вспышка для фотоаппарата –
не Твоя забота, Господь.

* * *

До тех пор пока, до тех пор пока,
и снова до тех пор,
пока слова мои, как река, –
в реке не тонет топор.

Течёт река – об чём говорить! –
торчит из нее гора,
чтобы причалить и сварить
кашу из топора.

Пока кишка кишке по башке
стучит вот такой едой,
выше суши, на ремешке,
солнце по-над водой,

а свободный конец ремня –
он у меня в руке.
Много чего ещё у меня
светлого на реке.

Вот так и плыву до скончания вод
топориком наугад,
делаю подольше восход
и подальше закат,

до тех пор, пока река впереди,
пока – впереди река.
А ты меня жди. Пожалуйста, жди.
На горке. У костерка.

* * *

В голове зажётся вопросец
и горит в пятьсот киловатт:
отчего народ-богоносец
так безбожно мудаковат?
Может, чёрт с нами сломит ногу,
обломает об нас рога?

Мы настолько не слава богу,
что зайдёт за мозгу мозг
у нечистой силы... похоже,
на вопрос нашёлся ответ.
И несёт мой народ свет Божий –
так несёт, что тушите свет!

* * *

Стабилизационный фонд
пролился, но не надо мною.
Истеблишмент, или бомонд,
или топ-менеджмент виною,

что вышло так – я не в курс х
и маюсь без работы дома
практически в одних трусах,
и это, блядь, не идиома,

и пониманье не спасёт:
ну да, не вышел в рулевые,
а кто не рулит, тот сосёт
у тех, кто рулит, – не впервые

такой порядок на Руси,
на милой вотчине Газпрома.
Не верь, не бойся, не проси –
и майся без работы дома.

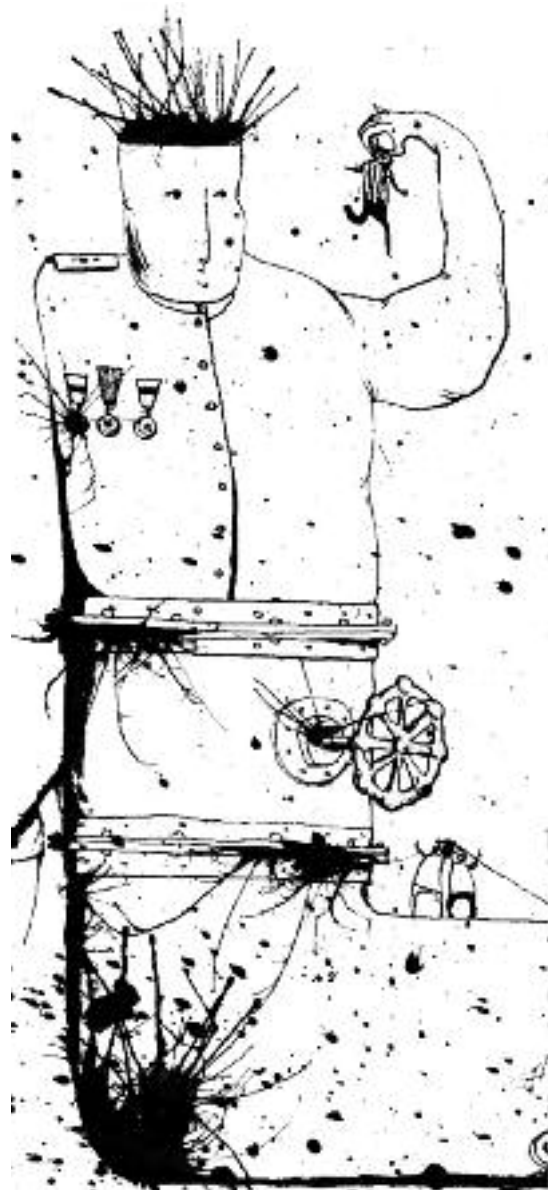
* * *

Мой Президент, снизойдя ко мне, может меня убить, но не способен, не может, не заставит его любить. Я, воспарив до его высот, тѣзку не погублю, а после граммов, может, трѣхсот, даже и полюблю. Жить бы и жить нам наравне, без этих любовных драм. Алѣ, Президент, заходи ко мне, а дальше уж я сам.

* * *

Дали славы, дали денег –
маялся как неврастеник.
А как дали звездулей –
сердцу стало веселей!

* * *

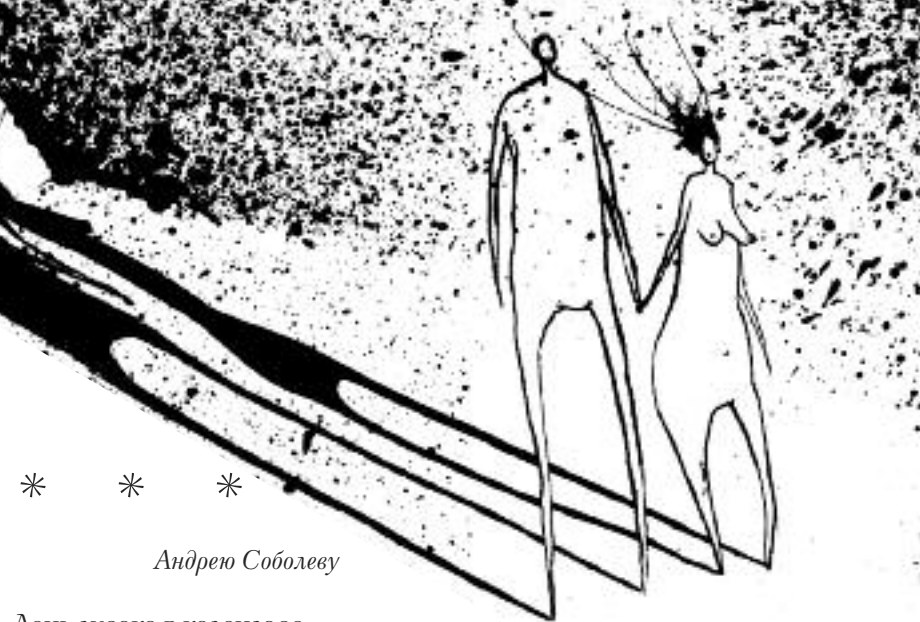
Пойти, что ли, клад поискать,
размять, что ли, руки и ноги?
А то уже стал привыкать
к безденежью и безнадеге.

На дачном участке слегка
напрячь, что ли, плечи и спину?
Начхать, что согласно ГК¹
за труд получу половину

оценочной, что ли, цены
лопатой отрытого клада,
зато – благодарность жены.
А детям какая отрада!

Найду дорогую байду:
салатницу или камею...
Да пусть ничего не найду –
зато хоть чуток похудею.

¹ Гражданский кодекс РФ.
В данном случае –
его 233-я статья («Клад»).

* * *

Андрею Соболеву

День дурака в календаре
и день рожденья друга,
а на дворе... А на дворе
метель и холодрыга –

о, как! Хоть шапку на меху
напяливай в апреле.
Эй, вы, на самом на верху,
вы чѣ там, охерели?

И без того в стране бардак
в любое время года
такой, что из последних благ
погода у народа,

да и над ней в краю родном
чудит ворье в законе
так, что в апреле с другом
не выпить на балконе...

А вот вам! Брюки подсымкну,
жена нацепит цацки,
и мы нагрянем к другану
вести себя дурачки,

а друг – такой же баламут.
Попьем, побалагурим.
Взяв рюмочки, пяток минут
на лоджии покурим

под эти самые стихи
о том, как жить поэту,
когда на самые верхи
уже надежи нету.

* * *

Когда работал грузчиком
на фирме «Клерасил»,
я много-много радости
детишкам приносил.

Готовую продукцию
метал через забор,
и все в округе детушки
росли как на подбор

без прыщиков на личиках,
что в юности растут.
Я вовремя уволился
и не попал под суд.

Дослушав эту сказочку,
твори добро, малыш,
и раньше срока свинчивай,
когда его творишь.

* * *

В Интернете, в сетевой газете
про семейный, так сказать, очаг
вычитал: «Никем-то я на свете
не любима! Ксения Собчак».

Врёт, зараза. Цену набивает.
Видел я её – не конь в пальто.
«Любят, но не все» – да, так бывает.
Не бывает, чтоб совсем никто!

Но слова её – там столько бабьей
жалобы да из последних сил,
что любой мужик отдал себя б ей...
Или журналюга исказил?

Всё равно обидно за державу
и за нас. Короче, я не прочь
полюбить гламурную шалаву,
но не как супругу. А как дочь.

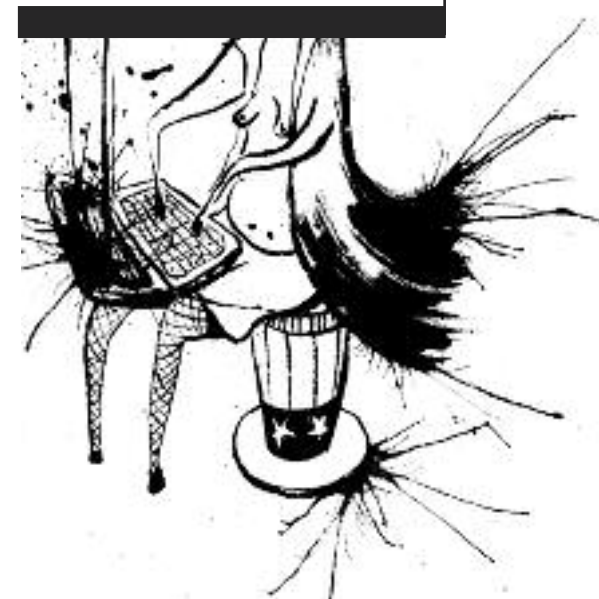
У моей жены не слаще норов.
Я кого люблю, того луплю.
В общем: или – ты, или – Киркоров.
Думай, Ксюша.
Я не тороплю.

* * *

Это я звонил Обаме
и конкретно угрожал,
чтоб английский за зубами
аккуратно он держал,
а иначе в раскоряку
он покинет тронный зал,
и, само собой, Бараку
электронных денег дал.

Ничего, само собою,
не ответил мне Барак,
но – прилежно и с любовью,
будто в рай, а не в бардак,
прибыл на московский саммит,
был приветлив, ласков, мил.

А теперь представьте сами:
если б я не позвонил?..

* * *

Субподрядчики спёрли идею
и продали её как свою.
Ох, и стрёмно, поди, лиходею,
что приеду и морду набью.

Он, поди, из джакузи повынул
адвоката, братка и мента,
а они: «Ты кого, сука, кинул?
А? Димона?! Тогда от винта!»

И теперь он из дома ни шагу
и, с утра вискаря накатив,
покаянную пишет бумагу,
что попятил чужой креатив.

А меня это мало кольшет,
я, в натуре, не парюсь уже,
что меня под бандита распишет
имярек в популярном ЖЖ,

принимаю картинные позы,
репетирую речь на суде...
Вот такие, товарищи, грёзы, извините.
А счастье в труде.

* * *

В Академию наук
привезли секретный пук.

В среду будет десять лет,
как молчит о нём наука,
охраняет тайну пука,
стережёт его секрет.

Десять лет, как ясно виден
на лице врага испуг,
десять лет, как всякий злыдень
нас стремится: а вдруг?!

Берегут покой державы
две канистры до краёв...
Десять лет не знаю славы,
как когда-то Королёв,
как никто, у тех канистр
приседаю на горшок.

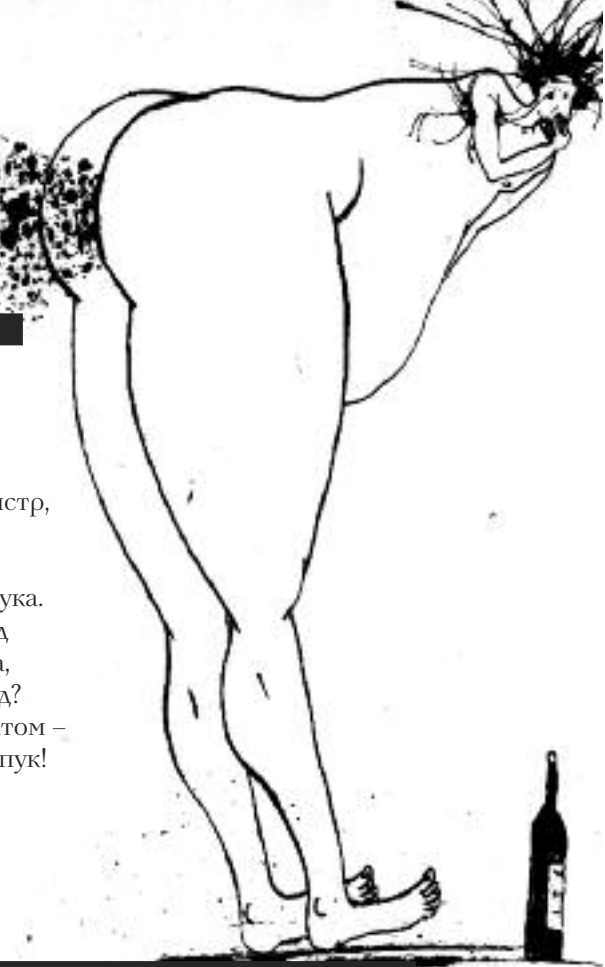
Приходил премьер-министр,
засекретил мой стишок.

Мой пример – другим наука.
День за днём, за годом год
там, где нет свободы пука,
до гражданских ли свобод?
Врали нам про мирный атом –
нынче врут про мирный пук!

Я не Сахаров, куда там!
Или всё-таки... а вдруг?!

* * *

Сейчас бы граммов триста махнуть за красоту
и модного стилиста – поленом по хребту,
и вставить это в книжку про битву двух культур,
а то я добрый слишком и трезвый чересчур.

* * *

Я сполна прочитал про Дозоры,
про Ночной прочитал, про Дневной.

Я из мира, где властвуют воры
повсеместно, а я не Иной.

Я не инициирован Светом
и не инициирован Тьмой.

Я, ничуть не печалюсь об этом,
вышел в сумрак с работы домой.

Я приварок тащил и зарплату,
и менты мне вломили под дых.

Я вломил их гоп-стоп адвокату –
ему по фигу, он из иных.

Я не парюсь, хорош был я, плох ли,
чей Иной от позора не спас.

Я заклятье слепил:
чтоб вы сдохли, два Дозора,
и книги про вас.

* * *

В четвёртый раз я стал миллионером под
курочку, под кучку макарон и водочку – вот
этаким манером я выиграл четвёртый
миллион у Галкина, а пятый – у Диброва,
и стоп, ребята.

Я не экстремист.

И был нам преферанс до полвторого –
без экстремизма, по рублю за вист, ужимки,
как у телепидарасов, и на челе всезнания
печать... стоп!

Я игрок.

Но не поэт Некрасов, чтоб умничать,
играть и обличать.

* * *

Миллиардеры тоже писают
и даже какают порой,
слабительное им прописывают
и вырезают геморрой.
До этого и после этого
они идут по головам.
Чего бы спеть ещё неспетого
моим любимым
бедным вам?

* * *

В полукреслах сидят полубоги
и вещают на тему семьи.
Ой, да в рот бы им потные ноги –
в крайнем случае, можно мои.

В бриллиантах, а круглая дура,
в позументах, а вор на воре
по каналу, поверишь, «Культура»,
мля – в эфире, не на фонаре!

Эти бденья – не просто пирдуха,
это деньги и труд, чтоб заснять
оскорбленье для зренья и слуха.
Руки чешутся, чем бы занять.

Пошумлю-ка я дрелью в клозете
и повешу там полку для книг.
У меня, понимаешь ли, дети,
и жена, и забота о них.

* * *

...на Петровку, на Лубянку,
Мосимуществу и банку,
в Роснадзор и в Госнархоз
что положено занёс,
и подвал арендовал
типа цех,
и слова зарифмовал
краше всех,
и пришли ко мне армяне,
и пришили на слова
этикетки от Армани
и от Славы Зайцева,
и по книжным магазинам,
по цыганам и грузинам,
по аптекам и бутикам,
с криками «Алла Акбар!»
раскидали мой товар!..
Тут я вовремя проснулся,
ужаснулся, повинился,
что заснул не в меру пьян,
и похерил бизнес-план.

Сон разума. Полпятого утра.
И смех, и грех, и горечь из нутра.

* * *

Позор, конечно, на мои седины
за то, что я, невежда и дебил,
кат лог кораблей прочел до середины,
до «сорок красноносых...» – и забил.
Зато пытливая моя Расея
вот прямо здесь, хоть я не Гомер,
про корабли, конечно, Одиссея
хоть что-нибудь узнает, например.

* * *

Бабка за дедку, а дедка за репку –
нет бы за бабуку, рукой под халат...
Ну не женат я на Анне Нетребко,
я ещё много на ком не женат –

только на бабке и на писанине,
обе мне п сердцу и по руке,
обе зазнобы давно и поныне
тянут то в койку, то мимо – к строке.

И то пишу я, как репку тягаю,
то над супругой неровно дышу –
рвно люблю писанину и Галю,
репу чешу, на обеих пашу,

после, на роздыхе, лью себе пива,
резвой рукой залезаю в уютюб:
Анна Нетребко поёт Casta Diva –
кто она мне, если я ей не люб!

* * *

Ну не пой ты мне Besame Mucho,
лучше чайник налей-вскипяти...
Ничему-то победы не учат,
окрыляют – и то не ахти.
Как, ебит твою мать, самозванец
кочевряжусь, ебит твою мать,
не зови меня, золотко, в танец,
дай доужинать и подремать,
улестил я тебя ненароком
и наведася типа в альков,
но не чтобы предаться порокам –
чтобы выдохнуть. Без дураков.
И сижу как собака на сене,
и красавице лет двадцати
туповато гляжу на колени,
и стесняюсь глаза отвести,
а в мечтах-то – уже за порогом,
и курю по дороге к метро,
и себя матерю – перед Богом
чист, и бес не стучится в ребро.
Пораженье спасёт от повтора,
станет типа зарубкой в уме,
где Цезария Эвора, золотко, Эвора, а не
Эвора –
беспощадно,
отрывисто,
горько
поёт «Бесаме...».

* * *

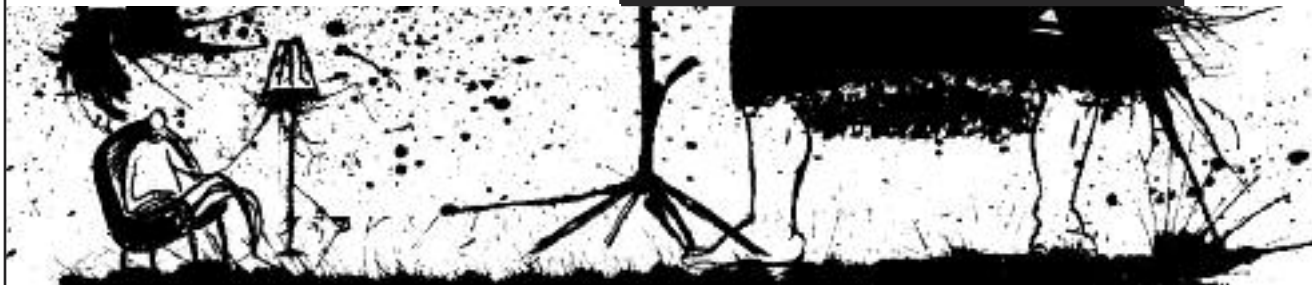
Без особого накала (дел и так-то до хера)
я мечтаю о «Ла Скала». Или о «Гранд-Опера» –
это мне по барабану: на Карузо не похож,
что Парижу, что Милану я по барабану тож.
Всюду оперная клака от меня не без ума,
мой вокал не ждут Монако, Токио и Кострома,
сам туда не лезу – глупо набиваться на отлуп.
Я – вся оперная труппа, но – не размыкая губ.
Ария? Дуэт? Кантата? Оратория? Могу.
Но внутри себя, ребята. Молча, про себя, в мозгу,
что угодно – это кредо музыкальное вполне.
«До-ре-ми», пардон, «до-ре-до»¹ просвистят, возможно, мне –
оппонировать не буду. Встав на кухне, сам-один
мою всякую посуду и пою за группу Queen,
за Муслима, за Жобима – так же чисто, как вчера.

Хорошо, что сцена мимо. Дел по жизни до хера,
мой вокал не ждут театры. А когда я стану труп,
вам спою «Му way» Синатры², но – не размыкая губ,
и до встречи. Тему встречи наиграет Гавриил.

Пение превыше речи,
Кто бы что ни говорил.

¹ «До-ре-ми-до-ре-до» – «А-по-шёл-ты-на-...» на языке музыкантов.

² Подаривший Синатре эту песню Пол Анка поёт её не хуже, но – иначе.

* * *

Ветер колышет на крыше жесь,
растёт на дворе трава,
жизнь – такова, какова она есть
и больше никаких .

Крышу надо перестелить,
траву надо подстричь,
а полный стакан, увы, не долить,
а жизнь, увы, не постичь.

Из компа, из ютьюба – Tom
Waits, Tom Traubert's Blues.
Жизнь такова: напьюсь, потом
за пару часов проспуюсь,

умоюсь, сяду кивать жене
про крышу и про траву.
Она не поставила крест на мне
и знает, зачем живу.

* * *

Алинке

Тебе три года. Кухня, выходной, семейный завтрак – это всё детали. Ты закричала: «Дедуска – мясной!» – и все, кроме двоих, захохотали (не над тобой, конечно, – надо мной), и нам обоим объяснить не дали, что крикнула ты: «Дедушка – смешной!»... а мы – сияли! Прочее – детали.

* * *

Ещё до первых сигарет
и вместо утренней пробежки
я видел, как один поэт
пытался прикурить от флэшки.
Такое зрелище бодрит
и веселит, и это – норма.
Не важно, что поэт небрит,
зато почистил зубы, корма
задал коту, поставил чай,
достал из пачки сигарету,
а тут и флэшка невзначай
попалась на глаза поэту,
она валялась у плиты,
как зажигалка в доме этом,
имея схожие черты
с вышеуказанным предметом,
ну, я и взял её не глядя,
попробовал добыть огонь,
после чего заржал, как конь,
а тут звонит невестка Надя –
не помню сути разговора,
но, полный вздора и задора,
засел потом за этот стих...

Когда б вы знали, из какого сора
растут стихи, читали бы вы их.

* * *

*«И книгу старую я медленно листаю»
Геннадий Шпаликов*

Геннадий Федорович, я листаю вас
то весело, то медленно и тяжело,
листаю, слёзы смахиваю с глаз,
трясу башкой, как старая коняшка
по имени, быть может, Словоблуд,
из вашего, быть может, семистишья,
где за рекою лошади бредут.

* * *

*«Ходят кони над рекою»
Юлий Ким*

Я живу не в элитном районе,
Где элитные люди живут, –
У меня за стеной ходят кони.
Этак сорок последних минут.

Ходят кони над синей рекою,
Хочут пить, но к реке не идут –
Больно берег им крут! Под такое
Грех соседу не выпить – да тут

Сам, глядишь, запоёшь за стаканом,
Раз двадцатый услышав про них,
И вослед за конём за буланым
В эту песню, как в реку – бутых!..

Эта песня настолько любима,
Что послушал заразу нон-стоп
И ни разу про Юлия Кима
Не подумал: да чтоб ты утоп!

Про соседа – да, было! А впрочем –
Вечер пятницы, сам был таким.
Ходят кони. Мы тоже пить хотим.
И чтоб речка. И кони. И Ким.

* * *

Есть невеликая зарплата
за ламца-дрица-гоп-ца-ца
и неприличная заплата
на ветхом рублище певца...

Словами Пушкина о славе
сказал – и не заснул в канаве,
к селёдке порезал лук
и снова сел за ноутбук,

списался с Томском и Уфой,
уважил водочку два раза,
и нахерачил два заказа
почти онегинской строфой,

и типа рукопись продал.
А славу я в гробу видал.

* * *

Мемуаристов я не озадачу,
от важных им персон не отвлеку.
Того не вставят в телепередачу,
что наката я на своём веку.

Всё это не помеха писанине,
любви и дружбе, времени, стране,
где продавщица в книжном магазине
подходит с уважением ко мне.

* * *

*«И в этом наше ремесло»
Давид Самойлов*

Невозможно писать ни о чём.
Обязательно что-то найдётся,
улыбнётся под левым плечом,
и пропишется, и назовётся,
и, пока я готовлю поесть,
в полинялую майку поплачет.
Обязательно что-нибудь есть
и поэтому что-нибудь значит
и шуршит поделиться со мной,
от чего то рыдаю, то ржу я
и живу этой жизнью двойной,
не деля на свою и чужую.
Мы не в ступе водичку толчём,
не балду над бумагой пинаем,
а чего, про кого и о чём –
вот допишем, тогда и узнаем.

ПАРАД

«И ведь нужно же было при такой-то жизни какому-то, прости Господи, кобелю борзому, заговорить о возрождении!»

Салтыков-Щедрин

ДУРАКОВ

Следующая часть книги неразрывно связана с Дмитрием Быковым. По двум причинам – дружеской и типографской.

В 1989-м году меня привели на смотрины в рок-кабаре «Кардиограмма». Вывели на уникальный полигон поэтов, музыкантов и прочих, способных выступить кратко, минут за 5-10. Командовал там поэт Алексей Дидуров, дико штучный мужик, светлая ему память, спасибо на всю жизнь. Конферанс же тащил на себе Владимир Вишневский – справлялся чудесно, но подумывал, кому бы этот воз передать. Опуская подробности: с согласия Дидурова за конферанс взялись уже авторитетный у публики поэт Быков и я, дерзкий новичок.

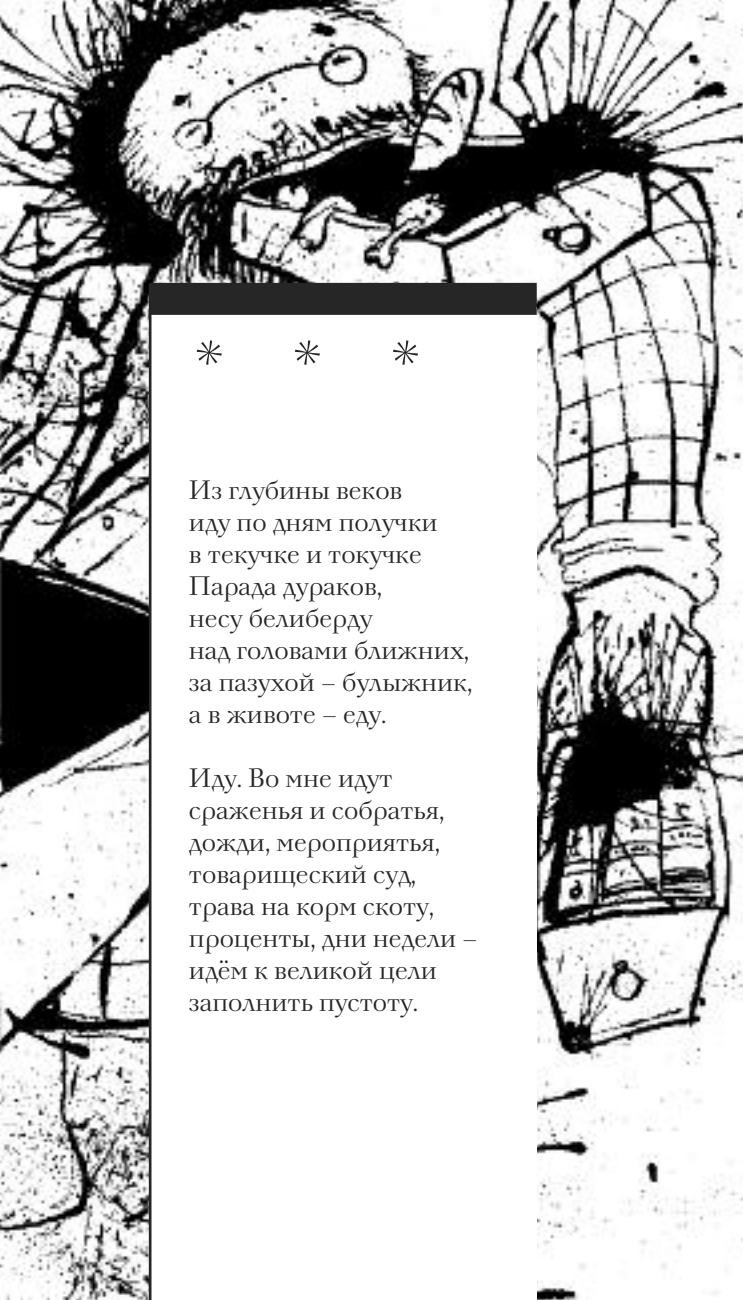
Около двух лет мы на пару занимались этим трудом, сдружились – и в 92-м вышли в свет под одной обложкой. Этаким «валетом»: по полкниги с каждой стороны переплёта, одна половина – стихи и поэма Быкова, другая – мои «Парад дураков» и «Вера в слова».

Затем Дмитрий Львович написал и опубликовал уйму всякого-разного. У меня же книга, которую вы держите в руках – лишь вторая, но... без Димы она не вышла бы. Поэтому её тоже можно считать нашей общей. Ещё раз опуская подробности: аргументы Быкова, какой должна быть эта книга, чтобы её хотелось купить, убедили меня вставить в неё «Парад...» и «Веру...».

Думаю, не беда, что «Вера в слова» и «Парад дураков» – дети своего времени, конца 80-х и начала 90-х. Думаю, это даже хорошо – при условии, если вам будет нескучно прочесть тогдашние стихи сегодня. Есть надежда – и расчёт! – что будет именно так.

СТИХИ И ПЕСНИ
на музыку читателя

* * *

Из глубины веков
иду по дням полочки
в текучке и токучке
Парада дураков,
несу белиберду
над головами ближних,
за пазухой – бульжник,
а в животе – еду.

Иду. Во мне идут
сраженья и собратья,
дожди, мероприятия,
товарищеский суд,
трава на корм скоту,
проценты, дни недели –
идём к великой цели –
заполнить пустоту.

* * *

Широка страна родная
или вдруг –
не широка?
Я другой страны
не знаю,
чтоб сказать наверняка.

Я страны
не знаю
в мире буржуазной ширины.
Я не знаю
даже шире –
даже дружеской страны.

Право слово,
мать честная! –
как тягаться шириной?
Ни одной страны
не знаю,
кроме, разве что,
родной,

где дорога Окружная,
стерегущий старшина...
Так скажи,
страна родная,
что такое
ш и р и н а ?

* * *

Я – еврей, потому что – казах,
эскимос, потому что – татарин.
За Республику Коми в глазах
я латвийской ноге благодарен.

На родной на украинский вкус,
я, конечно, грузинский тунгус,
потому что вот мне говорят
по-узбекски цыган и бурят.

Мой мордвармянанайский ум
полон чукчеркестонских дум.
А в душе – ну такой союз!..
И назвал бы – боюсь, собьюсь.

Человек – и душой, и телом –
плюс советский – умом и словом –
называю себя совчелом,
а хочу – так зову челсовом.

Сын Зухры Ивановой –
я, Шота Аксельрод,
исторически новый
из народов народ.

Новая кровь и плоть
в пятом колене, я
требую права «...вплоть
до отделения».

Я за него бороться
встал посреди Москвы.
Граждане инородцы,
вот я – иду на вы!

* * *

Ты – Россия, я – Москва.
Ты мне слово, я те – два.
Слава Богу, что Молдова
отвалила. И Литва.

Ставим Питер на атас
и толкуем глаз на глаз –
наконец-то без Советов.
Как-то будет им без нас
на работе и в бою?..

Ты – отваришь, я – налью
всем товарищам «Столичной»
под картошечку твою.

* * *

Я люблю тебя, Начальник,
больше матери и денег.
За одну твою улыбку
целой Родины не жаль.
Я – твой самый полный чайник.
Я – твой самый крепкий веник.
Обдери меня, как липку,
и возьми себе медаль.

У меня твои приметы:
уши, лысина и брови.
Я ношу их, как идею,
приучаю к ним детей.
И в душе – ты, и в уме – ты,
и во всякой капле крови.
Признаю в одном тебе я
Указателя Пугей.

Я твой сад вечнозелёный,
лишь тобою опылённый.
Без тебя не будет рая
ни во сне, ни наяву.
Я – Великий Подчинённый.
Величайший Подчинённый.
Ты живи, не умирая.
Я тебя переживу.

* * *

Хорошо тому живётся, у кого одна нога –
лишний тапок не порвётся, и не надо сапога.

На жалея даже жизни, он фактически сберёт
целый тапочек Отчизне, целый Родине сапог.

Потому не тратит бабки государство и в долги
не влезает – целы тапки, и здоровы сапоги.

Потому и дудо танку, и заряды по врагу –
если много раз по тапку, много раз по сапогу.

Ничего, что этот парень попаданием во врагов
экономил им по паре тапочек и сапогов –

всё равно врагу не хватит, никаких не хватит ног
ни для тапок у кровати, ни в окопах для сапог.

А у нас – горой охапка, до хера и до фига
героизма ради тапка и во имя сапога.

У героя – и награда, и возможные блага.
Только тапочка не надо. И не надо сапога.

* * *

Георгию Вирену

Я в жизни не лизал сапог,
не брал под козырёк –
я пипочку¹,
я пипочку,
я пипочку берёг.

Меня кромсали палачи
и вдоль и поперёк,
но пипочку,
но пипочку,
я пипочку берёг.

Мой лучший друг не вынес мук,
сберечь её не смог –
я пипочку,
я пипочку,
я пипочку берёг.

Народ родной Отчизны мной
открыто пренебрёг,
но пипочку,
но пипочку,
я пипочку берёг.

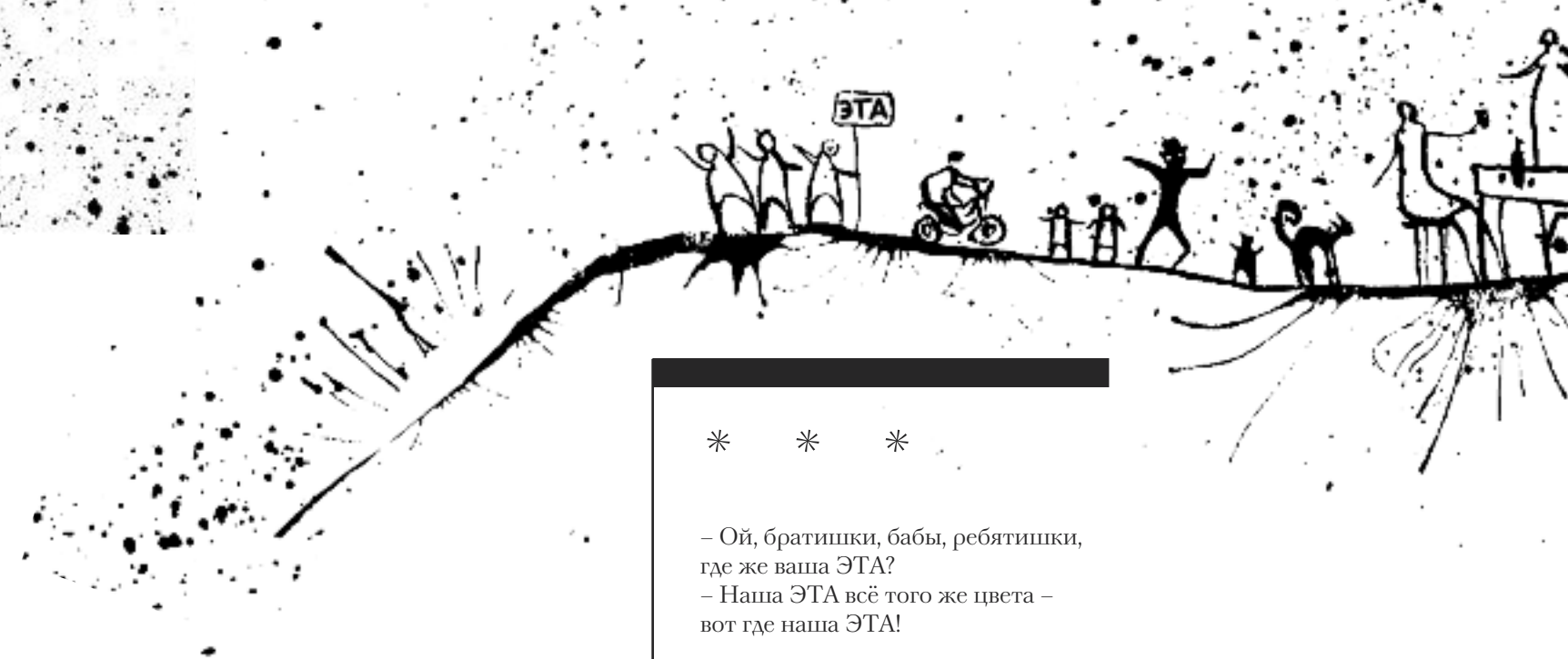
Страдал я но, кидал в окно
с отравой пузырёк
и пипочку,
и пипочку,
я пипочку берёг.

И был, как тот, среди невзгод
непризнанный пророк,
кто пипочку,
кто пипочку,
кто пипочку берёг.

Года прошли.
Внутри земли я неподвижно лёг,
но пипочку,
но пипочку,
я пипочку берёг.

И даже Бог сказать не мог
ни слова мне в упрёк –
я пипочку,
я пипочку,
я пипочку берёг.

О молодежь!
Когда идёшь ты в бой или в ларёк,
Тебя ведёт
великий тот,
кто пипочку сберёт!

* * *

– Ой, братишки, бабы, ребятишки,
где же ваша ЭТА?
– Наша ЭТА всё того же цвета –
вот где наша ЭТА!

– Ой, братишки, бабы, ребятишки,
а где ваши ЭТИ?
– Наши ЭТИ лучше всех на свете –
вот где наши ЭТИ!

– Ой, братишки, бабы, ребятишки,
где же ваше ЭТО?
– Наши ЭТО, как обычно, где-то –
вот где наше ЭТО!

– Ой, братишки, бабы, ребятишки,
так на что вам ЭДАК?
– А нам ЭДАК надо напоследок –
вот на что нам ЭДАК!

¹ Что имеется в виду под «пипочкой», не знает никто, в т.ч. автор.

* * *

1

Бастует Серп.
Бастует Молот.
Бастуют, потому что –
Голод.
– А почему, скажите, Голод?
– Так ведь бастуют
Серп и Молот!

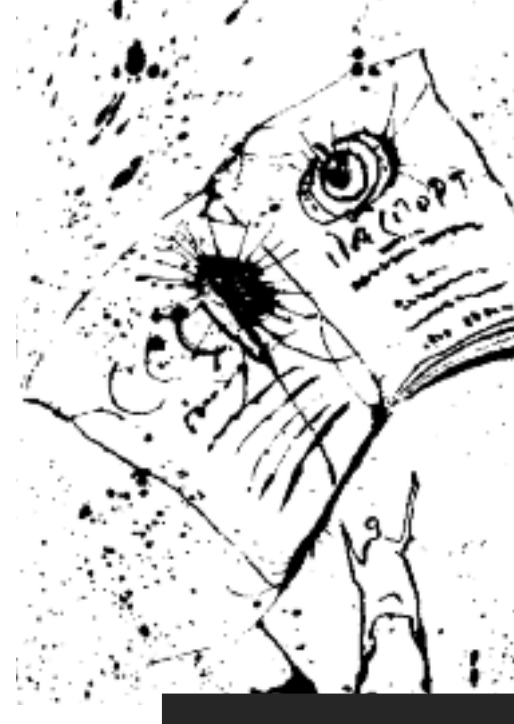
2

По указу Госстриптиза
верх у нас на месте низа.
Потому что Госстриптиз
вместо верха носит низ.

3

СТИХИ О ВЕЧНОМ

Сегодня атом водорода
такой же, как и был вчера, –
ура избранникам народа
и господам из-за бугра!
За то, что водородный атом
из электрона и ядра,
ура народным депутатам
и господам!..
А дальше – матом.

* * *

Не был, не был, не имею,
нет и нет, не состою,
не владею, не умею
не свою.

Вот и вся анкета духа
отрицания, среда
обитания, когда
и сивуха, и непруха –
это да.

Я, НИЖЕПОДПИСАВШИЙСЯ

– Здравствуйте. Вызывали?
– Паспорт?
– Вот.
– Прочтите вслух и распишитесь.
– «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь всегда помнить
об этом разговоре». *(Расписывается.)* О каком разговоре?
– Об этом. О нашем разговоре. Который уже идёт.
Вот вам ещё – читайте и распишывайтесь.
– «Я, нижеподписавшийся, обязуюсь никогда, никому,
ничего не говорить об этом разговоре». *(Расписывается.)*
– Давайте повестку. *(Расписывается.)* Вы свободны.
Следующий!

* * *

Антифеминист Л.П. Берия
на колени пал перед женщиной.
Днепрогэс Истматгч Совхозников
вмиг набрал телефон редакции,
девятьсот листов разом выдохнул.

Репинсон Рафаэль Давидович
уже был между них с картинками,
на Манеже полотна выставив.

От любви ли, от конкуренции
махом вылепил бюст Лаврентия,
в полный рост на колени павшего,
возвращенец Иван Ф. Кеннеди.

А в театре имени Гоголя –
не того, но другого Гоголя –
тремякратно звоночки тренькнули,
созывая народ на зрелище
под названием
*«Сокол Берия –
верный друг товарища женщины!
постановка
товарища Гоголя».*

Антифеминист Л.П. Берия
завязал шнурок развязавшийся,
отряхнул колени суконные
и вошел в наркомата здание
наградные листы подписывать.

На другой же день сокол Берия
награбил Ивана Ф. Кеннеди,
а с Иваном – его подельников:
Днепргэса, другого Гоголя,
Репинсона и многих прочая –
награбил хоромами высокими,
что из двух столбов с перекладинкой,
за возможный обман трудящихся.

А случайная та женщина
после горько-прегорько плакала
над артистами убиенными.

Горько плакала, шла невидимой
по Лубянке муза комедии.

* * *

1

Философ Бердяев! Художник Шагал!
Простите, что я не за вами шагал!
Простите! За вами меня не пускал
Художник-философ Пердяев-Шакал!

2

У поэта у Евту –
то по эту, то по ту.

У поэта у Возне –
«то» ли, «это» – лишь бы не.

Нет конечного лица –
нет и личного конца.

3

Я знаю, что не нов,
как всякий без штанов.
Воистину – новы
те, кто без головы.

4

Смотри, собрат мой! Вот она –
Спина Невиданной России!
На ней Рука Буржуазии
Напишет наши имена!

* * *

*«В этих весёлых истинах здравого смысла,
перед которым мы все так грешны,
можно поклясться весёлым именем Пушкин»
Блок «О назначении поэта»*

На снегу лежит А-Эс, член Политбюро.
Засадил ему Дантес финку под ребро,
под падение с высот замаскировал
и отправился, сексот, на лесоповал.

На снегу лежит А-Эс, кровь бежит, и аж
от неё в КПСС истекает стаж –
а тому немало лет Герцен у Кремля
ему выдал партбилет номер два нуля.

На снегу лежит А-Эс, шевелится чуть,
вспоминает весь свой бескомпромиссный путь:
о, лицейские дела! – «Искра», динамит,
шефы Красного Села Риккардо и Смит!

На снегу лежит А-Эс. Был когда здоров,
заманил он в Брянский лес камер-юнкеров,
а когда поляков бил Ворошилов Клим,
он, хоть Польшу ту любил, бился вместе с ним.

На снегу лежит А-Эс, изданный весьма
(а ведь времени в обрез было для письма), –
в сочинённых на ходу «Песнях Октября»
за рабочего Балду он убил царя.

На снегу лежит А-Эс, силится понять,
кто в бювар к нему залез («ах! е...на мать!»)
и украл короткий стих, где герой-грузин –
полужулик, полупсих, полу-сукин-сын.

На снегу лежит А-Эс. У него строка
родилась наперерез мнению ЦК
о Вожде
«без кого на
свете счастья нет»,
как писал в те времена лучший совпоэт.

На снегу лежит А-Эс. Он в НКВД
клялся, что попутал бес, бесы и т.д.,
а не Рыков-Пятаков с ихним Deutche Geld¹.
Но ему: «Без дураков!» – отрезал Дубельт.

На снегу лежит А-Эс – лишний человек.
Ожидал его процесс, никакой не снег –
там бы он, как большевик, классовой борьбе
вечный памятник воздвиг бы, а не себе.

На снегу лежит А-Эс, раненый, как лев...
Репутацию ЕЭС, интересы СЭВ
и партийный интерес увязал генсек.
Коминтерновец Дантес взял перо, и – снег...

На снегу лежит А-Эс – долго жить велит,
придаёт особый вес обращенью МИД:
«Наше солнце! на снежок! Франции шпион!
уложил! За ней должок – денег миллион!»

На снегу лежит А-Эс. Получив за труп,
мы проложим до небес километры труб,
купим кожаный отрез, плавленный сырок –
да! такого бы А-Эс выдумать не смог.

На снегу лежит А-Эс. Если б не лежал,
он бы с Ладожской АЭС шведу угрожал,
он бы Шуйских да Мазеп гнал из губчека,
отбирал буржуйский хлеб бы у Собчака!

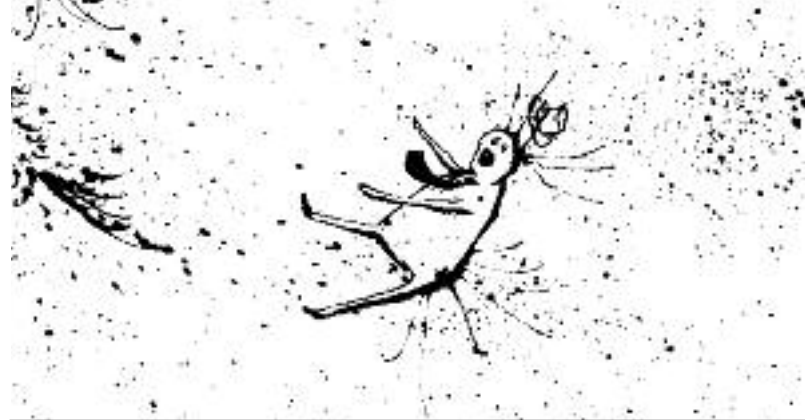
На снегу лежит А-Эс. Он бы много внёс
в наш сегодняшний прогресс!..

Совестно до слёз,
что обидный анекдот спьяну на снегу
мне привиделся, и вот – больше не могу.

Я смиренье сохраню в гордой глубине.
Но – хотя бы раз на дно думается мне,
что и не таких чудес прорва на Руси.
Если Пушкин тот А-Эс? – Боже упаси!

¹ Deutche Geld (антипарт.) – деньги буржуйские.

* * *

Стать задумал депутатом
самых честных правил.
Перед райвоенкоматом
карусель поставил,
ркетиров кончил, МУРу
сдал их пистолеты
и свою кандидатуру
выдвинул в Советы.

После – вдруг купил газету
самых честных правил
и узнал, что я ракету
Пиночету сплавил,
что товарища Руцкого
брал за грудь и – матом,
что нельзя меня такого
даже кандидатом.

После – чуя суд да дело
(самых честных правил,
до расстрела), пиво смело
мебельным разбавил,
перевёл на адрес НАТО
«Труд» и «Совкультуру»,
позвонил из автомата,
снял кандидатуру.

После – погулял с друзьями
самых честных правил,
по пути из ГУМа к «Яме»¹
крестный ход возглавил
и очнулся под плакатом,
под своим портретом
со словами
«Власть – Советам!
Избран депутатом!»

¹ «Яма» – в то время пивной зал «Ладья», угол Столешникова и Пушкинской.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ПРОШЛОГО ГОРОДУ МОСКВЕ

1

Герб, достойный Первопрестольной:
копьём вооружённый,
конный,
законный тыщу лет
святой
пронзает конституционный
вдруг отменённый
пункт шестой.

2

По воле исполкома Моссовета,
с учётом пожеланий патриотов,
метро нам будет – имени Поэта,
а памятник – М.Ю. Красноворотов.

РАССКАЗ ИВАНОВА О РЕСПУБЛИКАНЦАХ И ДЕМОКРАТАХ

*Время дел, говорят, а не слов.
Выбирай, говорят, Иванов:
Либо ты, Иванов, за ослов –
Либо, наоборот, за слонов.
Никаких чтобы там «пополам» –
Ты же наш, говорят, топай к нам!
Только если податься к ослам,
Лучше не попадайся слонам.*

Я киваю им обоим:
Мол, со всей охотой!
И пока что пью запоем,
Если не работаю.

*А они мне с обеих сторон:
Ты кончай, говорят, вашу так,
Лицемерить – ишачишь, как слон,
А то пьёшь до слонов, как ишак.
Так что кайся давай за уклон
И включайся. «Былое – на слом!»,
Как сказал Несгибаемый Слон,
Тот, какого считают Ослом.*

А я строю им обоим
Сироту безротую
И секу, что всё равно им –
Пью или работаю.

Но берёт меня ихний десант
(Чей, не знаю, но – хуже зверей):
*Кто не с нами, того – в зоосад,
И накакать, что он не еврей!
Что с тобой, Иванов, со скотом,
Говорят, говорить по душам?
Слон, осёл – разберёмся потом,
А пока получи по ушам!*

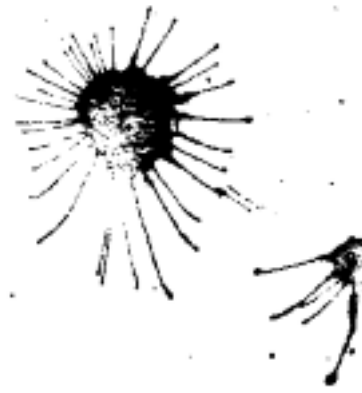
Ну, тут я их смертным боем,
Но не насмерть. Что-то я
Притомился пить запоем,
Вовсе не работая.

И стучатся ко мне два посла:
*Принимай, говорят, ордена!
Вот бумаги – «Отвагу Осла»
И еще «Боевого Слона».
Хочешь цех, говорят, или полк?
Только, чур, без обиды на власть...
Я – в стакан, а мне на руки «щёлк!»
Да железом по темени «хрясть!».*

И сопят они над телом,
И по фене ботают.
Подзабыл я с этим делом,
Как они работают.

Говорят, что терпелка спасла –
Та, которой в осла и слона.
Я – не помню какого числа,
Помню только, что смена сдана,
А посуду в обмен не берут,
А «пятёрку» суют за побег –
Добровольно являюсь на труд
Ради отдыха. Как человек.

Как положено герою,
За троих работаю
И с парнями из конвоя
Кое-что делю на трое
Ихнею субботою.

* * *

Я пою баррикаду, где покой и уют,
где герою и гаду – и покой, и приют,
где ни плана по валу, ни супружеских тайн –
простота ритуала и доступный дизайн.

Что досуг, что работа – под короткое «пли!»
сделать важное что-то для кого-то вдали
и на стреляных дисках (по традиции – ниц)
отдыхать среди близких за кормлением птиц.

А проказы! причуды! – например, в перекур
взгромоздиться на груды леопардовых шкур
между бочками с чёрной (или красной) икрой
отпевать обречённый существующий строй.

О, лохмотья завесы дымовой на дожде!
О, прочтение прессы разве что по нужде!
О, поездка с докладом Рим-Чикаго-Багдад
по заграничным баррикадам от родных баррикад!

Пусть отчасти разруха, в чём-то строгий режим...
Суть – для нового духа не остаться чужим.
А затем с аппетитом обустроить быт.
Ведь *ничто* не убито. И *никто* не убит.

* * *

Рвём коммунию в лоскуты.
И друг дружке, ловясь на слове,
раны штопаем, закусив рты
до пока ещё общей крови.
Кровь, как смерть на миру, красна,
как свобода прекрасна. Спёртой
речью моя страна
не рванёт, разве что – аортой.

* * *

Алексею Дидурову

Поэтика есть политика.
Житьё-бытиё сборника
есть ленинизм нытика,
плюс наплюрализм ёрника,
минус религия высшей лиги
борцов за дензнаки
(кроме ура-патриота, ханыги,
какому везёт и так). И
всё это делится как попало
полками проблем пола.
Что в остатке? – диктат капитала,
классическая школа.
Просто, как арифметика,
как два ноля к двум.

Впрочем,
политика тоже поэтика.
И тут мы ни бум-бум.

* * *

Давайте не будем об этом.
А будем об отдыхе летом
в каких-нибудь новых штанах.
А это – пошло оно на х...

А это – обложено матом
и лупит полуавтоматом,
едва переходим на «ты»
в обнимку и прём на мечты,
доступные аристократам –
товарищи, Боже, скоты...

Давайте не будем об этом.
А будем об отдыхе летом
в каких-нибудь новых штанах.

* * *

1

Как много девушек хороших,
когда не ставишь даже в грош их!
А чуть потратишься на них –
как много девушек плохих!

2

Он просто делал ей добро.
Она об этом не просила.
Она просто выносила ведро.
Она его не выносила.

3

Мемориальная доска на глади омута:
«Была такая-то близка такому-то».
А написал бы, что тоска и бляди –
не удержалась бы доска на глади.

4

Для перемен
нужна NN.
И для проблем
нужна MM.
Зато в беде нужна
жена.

* * *

Гражданское мужество –
это
на самой высокой трибуне,
на той деревяшке,
куда возлагается речь,
рушник раскатать вышиваный,
стакан и кулёчек извлечь,
чуть передохнуть
и слотнуть налетевшие слюни,

из тайной полы пиджака,
потянув за шнурок,
добыть
светлой памяти этой земли златоустов
графинчик
по шустрой коньячной фамилии Шустов
и пальцем промять
с астраханской вязигой пирог,

проворнее чёрта,
какой надоумил залезть,
и Господа Бога моля
не смахнуть, не раскокать,
плеснуть над гербом
выше края,
поставить на локоть
и брякнуть:
– Сударыня, Ваши здоровье и честь!

* * *

Оле

Для победы над женой
как-нибудь на четвертной
приведу домой поэта,
несравнимого со мной.

У него тоска светла,
ему Родина дала
два крыла, а нам – пятёрку
до двадцатого числа.

Он захочет почитать.
Он поучит нас летать.
Мы потом за ним неделю
будем небо подметать.

* * *

Стою перед Вами глаза долу,
в сердце открылся глаз:
всякая особь мужского полу
имеет право на Вас.

Особь весом хоть со слона,
ростом хоть с пол-аршина –
правом на Вас обладает она,
если она – мужчина.

Пьяница с чёрными словами,
он же – палач и шпион,
может вступить во владение Вами,
был бы мужчиной он.

Пусть он брат своего отца,
в тихом доме его родня –
право на Вас у любого самца,
только не у меня.

Умом не слаб, лицом не стар,
всем остальным – высший сорт,
страстный, как Jesus Christ Superstar,
и вкрадчивый, как чёрт,

утром – философ, ночью – поэт,
мастер родства душ
(нет у меня таких анкет,
где было б зачёркнуто «муж.»),

но – если в сердце открылся глаз,
я говорю не в бровь:
– Нет у меня права на Вас,
и, значит, это – любовь!

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ РОМАНС

Едва в переходе на площадь Свердлова
найду кошелёчек, а в нём – миллион,
я в ГУМе, душа моя, честное слово,
возьму весь «Камю» и на сдачу – лимон.

И с литром в дюралевом кубке до радиорубки
дойду, постучу, предъявлю, объясню, объявлю –
и Вам позвоню, беспокоясь: а слышно ли в трубке,
как люди согласно гуляют за Ваше «люблю!»?

Из ГУМа в дежурном «козле» под охраной
рвану за сто двадцать под Ваше окно –
шофёр-генерал, неприлично румяный,
прикажет: «Засвищут – ори, что кино!»

И грянут под Вашим балконом из гущи сирени
задорные марши, а первым – мосье Мендельсон.
Как самый способный, я буду играть на сирене,
и будут сбивать меня с темы свисток и клаксон.

Ваш муж, обнаружив меня под балконом,
свой бархатный голос возвысит на Вас –
я сразу же, взятым на сдачу лимоном,
ему попаду, слава Богу, не в глаз.

И он захохочет, а после напишут в газете,
что «все хороши!», и во дворике вытянет лист
лимонное дерево... Что Вам подробности эти,
мой ангел! Вы так романтичны, а я – реалист.

ПЕРЕДЫШКА

Николаю Фионьчеву

По новой закурили,
разлили и в дыму
на время сотворили
мир праху своему.

Оставшиеся души
за кухонным столом
хвалу любимой чуши
воспели, как псалом,

и ангел-полуночник
(без денег и часов,
но – книжник и киношник)
вошел в окно на зов

квасным июльским духом,
дождём, отлитым в гром,
кочующим над ухом
бессонным комаром

ввалился и отсрочку
продлил нам, осенил
на ту ещё на строчку
(ни ручки, ни чернил,

ни камеры, ни плёнки),
и было нам дано
снять вилкой на клеёнке
то самое кино.

А после, в идеале,
мы шурились на свет
и стылый чай хлебали
за суету сует

(за штопаные пятки
носков, за профбилет,
за женские повадки
и дырку «семь-валет»,

за редкий день полочки –
за всё, что всякий год
доводит нас до ручки,
до камеры ведёт),

и видели в конце мы,
за кадром, между строк –
что было мимо темы,
вдруг оказалось впрок.

Так кончился в основе
наш творческий процесс.
Комар анализ крови
собрал и с ним исчез.

И в небе стало сухо.
И ты окно прикрыл,
а я зевнул. Ни духа,
ни ангела, ни крыл.

И стало нам хреново –
не знаю, почему.

Всё снова, Коля. Снова –
мир праху своему.

* * *

Нет ни водки, ни закуски,
ни свободы, ни тоски –
как-то это не по-русски,
ни хрена не по-людски.

А ведь было не по штуке
в руки лет тому назад;
«налимонился» – и Кукин,
рыбку съел – и «самиздат»,
выступления емели
по вопросу «чья вина?!»...
Хоть чего-то да имели,
хоть чего-то да умели –
то-то были времена!

Ну, так что оставим детям,
кроме собственной вины?

Веры нет ни тем, ни этим.
Лишь бы не было войны.

* * *

Я купил чернил,
сел и сочинил
о тебе сонет.
А тебя и нет.

По записке «Гриш!
Ухожу в Париж!»
я напал на след.
А Парижа нет.

На такой каприз
поглядел я вниз:
где же ты, мой свет?
Света тоже нет.

Я подвел итог,
что тебя взял Бог.
Слышу, мне в ответ:
«Гриша, Бога нет!»

Я себя чуть-чуть
ущипнул за грудь –
может, это бред?
А меня и нет.

Я же сел за лист
весь идеалист,
а ведь был декрет,
что всего – и нет.

Понял лично я
с той потерей,
что первичная
есть материя.

СТАНСЫ СУХОМУ ЗАКОНУ

По телу белая с пивком
текут, но телом не бадею –
бадею духом, что овладею
особо смелым языком.
О речь моя! – свобода слов
страны, где выпивший ругатель
есть основной ниспровергатель
авторитетов и основ.

Из уст в известное лицо,
а не в абстрактных оборотов
летит – о сладость оборотов! –
слезой солёное словцо.
О речь моя! – и смех, и грех
страны, где правда беспощадна,
но, по несчастью, непечатна
или печатна не про всех.

Легко сказать: «Иди ты на...,
однопартийная система!
Есть партия – трезва и нема,
а есть – горласта и пьяна!»
О речь моя! – не в бровь, а в глаз,
речь гласного от русских пьяниц,
свободного, как иностранец
в его суждениях о нас.

И пусть отчасти бестолков
поэт, а вешее величье
срывается в косноязычье
от лишней дюжины глотков...
О Речь! Печаль невелика,
что речь моя за краем нормы, –
беда, коль винные реформы
оставят Русь без языка!

КОСМОПОЛИТ

Утром – творог
и «Дружба», сыр.
Получит семь сорок
Арафат Ясир.

В обед – картошка.
Куриль – «Астра».
Со сдачи – трёшка
камараду Кастро.

Перед ужином
зашел в отдел.
«Хрусталь» – дюжину –
сдал на Мандел.

Ночью не ел.
Спал скверно.
Снились арест и расстрел
Коминтерна,

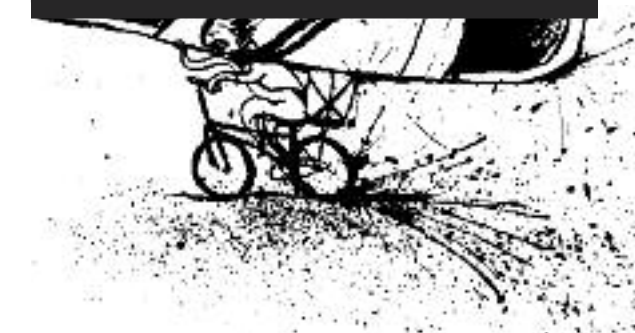
члены ИККИ,
пачка «Пегаса», рабочая касса.
Снились колбасы и мясники
времён Анастаса.

* * *

У богатого свои причуды:
Нет бы написать «*Варю обед*»
Или «*Парю ноги от простуды*»,
Но богатый пишет «*Тары нет*»,
И берёт отгул на пару лет,
И валютой платит за билет,
И летит на воды, на этюды,
На Багамы там или Бермуды.

А поэт берёт велосипед
И везёт сверкающие груды
Будущих бумажек и монет
На приёмный пункт стеклопосуды,

Где и сочиняет свой сонет.
И у бедного свои причуды.

* * *

Февраль – достал «чернил» и выпил
за то, что рот страны открыт.
Язык на ветер, словно выпел,
выбрасывал, рыгал навзрыд.

Был ливнем из радиоточек
не клик колёс, не блавест,
а весь отлитый в струи строчек
Двадцать Седьмой партийный съезд.

В такси не брали. До рассвета
считал грачей на холоду.
И где-то понимал поэта:
рыдать в шестнадцатом году!

Да здравствует свобода слова!
И был на службе к девяти.
О Боже! До чего же клёво:
«Во всём мне хочется дойти...»

* * *

Призвание – камерный поэт.
Играю на заветной лире
тайком. Дарю интимный свет.
Горю, как лампочка в сортире.
В уединении, в тиши,
на площади некоммунальной
проходит, может быть, банальный,
но всё же – туалет души.
В часы, когда на сердце тяжело,
когда по горло суета, что публицистика?
Какашка в размер печатного листа.
Тогда – смирись и не суди
о ближнем, не суди о дальнем,
расслабься, как в исповедальне
до очищения сиди.
Внимай невнятному...
Но – вот! –
метафоры, метаморфозы!
и на челе холодный пот!
и наворачнувшиеся слёзы!
Себя не ведаешь, творя.
И выдаёшь такие строки,
что слушатели просто в шоке.
Все в жопе, прямо говоря.

ПОЭТ И ТОЛПА

Читает – подвывает,
поскольку это знак,
что он переживает
не так, как мы, не так.

Читает, как качает,
качает по волнам,
и это означает
неведомое нам.

Читает аж до пятен
вокруг нездешних глаз,
что значит – не понятен
он никому из нас.

Увы! не наши дали,
не наши, блин, миры –
его траляли-вали,
его хухры-мухры.

* * *

Не пора ли помолчать?
Разобраться не пора ли
с тем, что мы насобирали
ради выхода в печать,

ради выхода в тираж,
где посредством размноженья
средства самовыраженья
вырождаемся в типаж,

в очерстевшие черты
не примкнувшего к Советам,
у кого при всём при этом,
ей-же, помыслы чисты,

в ком особый сорт стыда
(душу – ест, глаза – не выест)
и, для святости, невыезд
из отсюда хоть куда,

за границу нищеты
(той, какая – плоть от плоти,
чем богаты в пересчёте
на печатные листы) –

и читается с листа
злоречивый и лиричный
опыт, выданный за личный,
наши общие места:

перенос в интимный пласт
тяжести гражданской темы...
Ясно, кто мы. Ясно, где мы.
Дальше – что? Господь подаст?

Всё труднее отличать
«не пиши» от «не укради».
Кончим, что ли – Бога ради,
ради выхода в печать?

* * *

«Умом Россию не понять»
Тютчев

Отроду разум ярмом.
Ладно уж – головы сложим.
Если бы только «умом» –
Господи, верой не можем!

Нам – хоть святых выноси.
С нас не убудет, покуда
чудом живём на Руси
да позабористей чуда.

Пишем с иконы лубок,
гоним чертей по закуске
и утешаемся: Бог
в Бога не верит по-русски.

* * *

Сына за руку веду,
сочиняю ерунду:
– Ты держи меня за палец,
а не то я пропаду!

Помнишь дядю в плаще?
Помнишь тетю в серьгах?
Этот дядя – Кощей,
эта тётя – Яга.
Я у этой четы
почитай что во рту,
потому что, как ты,
непослушным расту.

Только, чур, давай без слёз.
Да шучу я! А всерьёз –
им охота меня скусать,
потому что ты подрост,

и тебе я могу
рассказать, не соврать
всё как есть про Ягу,
про кощееву рать
и про меч-кладенец,
что цепей не разбил –
меня тоже отец
непослушным растил.

Ты держи, сынок, не брось
палец... жизнь мою и злость –
на! держи, чтоб встала в горле
у злодеев наша кость!

И тогда мы костей
наломаем врагам
посильней, чем Кощей,
похитрей, чем Яга!
Ты расти, оголец,
непослушным расти!
А что выпил отец –
ты уж это прости.

Сына за руку веду,
повторяю на ходу:
– Ты держи меня за палец –
я с тобой не пропаду!

* * *

И чтобы детство уважать
всерьёз, а не для галочки,
достаточно в руке держать
свой леденец на палочке.

Рыбка,
птичка,
петушок –
вот и кончился стишок.

И чтобы стало тяжелей
от детства наизнанку,
достаточно не пожалеть
расколотую банку.
Муха

села
на варенье –
вот и всё стихотворенье.

Из такой вот чепухи
без затей
пишут взрослые стихи
для детей.

* * *

Человеку нужен покой. Не покойный вид из окон, не кило рублей под рукой – человеку нужен закон говорить своим языком, собственной кумекать башкой. Человеку нужен закон – место для своей мастерской.

Человеку нужен закон. Если нет Матфея с Лукой, Марком, Иоанном, так он примет всякий, хоть воровской, в золоте за правой щекой, левую набьёт балыком и – вперёд, по водке рекой, по борделям через партком!..

Всех вокруг поставит на кон, обошьёт дубовой доской, если это дело – закон, и за это дело – покой... а местечко для мастерской – хоть у дьявола под задком! Но свободной воле – покой. И уж это точно закон.

Мы его обмоем пивком на Тверской на Третьей Ямской:
рупь бумажный – серп с молотком – лучше, чем вообще никакой.
Правда, никого над толпой не поднимет он – а на кой?..
Ведь у нас законный запой напрямиком в приёмный покой.

* * *

Нас мало. Нас только один
и, как утешение, двое.
До смерти идём от родин
под стомиллионным конвоем.
Сквозь веру не в меру, а в числа
по жизни идём и несём
своё понимание смысла
открытого нами во всём.

Мы живём одна,
потому что – одни.
А любовь всё жива,
и поди объясни.

Мы тоже не твёрже свинца,
Мы тоже не выше барака,
но наши умы и сердца
устроены всё же иначе.
И те, кто идут оцепенённым –
великие масса и класс –
то молят нас о преступлении,
то гонят на подвиги нас.

Мы живём одна,
ищем правду во лжи.
А любовь всё жива,
и поди докажи.

Нас мало. Но воду на газ
поставим и пачку пельменей
откроем за то, что у нас
шагающий к истине гений.
Покормим его на дорогу,
а после – не в общей судьбе,
не в ногу, но к общему Богу,
который сначала – в себе.

Мы живём одна,
если жизнь такова.
А любовь всё жива.
А любовь – всё жива.

ВЕРА В СЛОВА

немного другие
СТИХИ И ПЕСНИ

* * *

До свидания, эпоха
гарантированных благ,
даже если было плохо,
даже если было так:
ты мне, сволочь, фигу в рыло,
я тебе – в кармане шиш.
Ведь ещё чего-то было –
Без тебя не объяснишь:
кухонька, в кармане трёха,
состояние души.

До свидания, эпоха!
А не свидимся – пиши.

* * *

Судьба играет человеком.
А человек берёт себе
три чебурека и судьбе –
четыре пива с чебуреком,

за эти самые игрушки
они садятся и – вперёд!
И вот уже вино и сушки
судьба сама ему берёт,

и занимает до полочки,
и тонким пальчиком грозит,
а он попутку тормозит
и, паразит, целует ручки,

и за подкупленным водилой
в обнимку ссорятся они.
Она ему: «Не надо, милый...»,
а он играет в «извини»

и обрывает: «Не канючь!»
в тени у домика под вишней,
где некто третий, некто лишний
оставил музыку и ключ,

и выдох раннего Гиллеспи
ему, что судная труба,
и он осмелится...

Но если
она заснёт в дырявом кресле,
то человеку – не судьба.

* * *

Ни крестом, ни пестом.

Пометался в неистовой –
и, над чистым листом
отдыхая, насвистывай
«Интернационал»,

да пощелкивай кнопками
из канала в канал
с ещё большими попками,

да колдуй у плиты
в колпаке и переднике,
да набитые рты
выбирай в собеседники,
проводя, например,
межпартийные прения
о принятии мер
только против курения,

украшай кабинет
корешками собрания
сочинений, где нет
перестройки сознания,

да за мышцами щёк
шевели да обсасывай
козырной пустячок
исключительно кассовый,

да берись за перо
с видом нового классика:

*«Остановка метро называется «Пасека»,
и – минута пешком или десять на катере –
бывший райисполком Пресвятой Богоматери,
ныне паркстадион, на котором по вторникам
в униформе ООН я работаю дворником
за квартиру, гараж, лимузин и питание,
за сигнальный тираж и за переиздание,
и летает метла, и мечтаю о славе я,
и – была ни была! – вижу буквы заглавия:
“ Р о д и н а ” ...»*

Вот и весь,
так сказать, обмен опытом.

Не в бутылку же лезть
за пропавшими пропадом,
не топить же в вине
ремесло и профессию
и конечно же не
выдавать за поэзию
вот такие стишки.

Даже если наскучило,
обрывая кишки,
набивать ими чучело.

СТИХИ О ЛЮБВИ К ГОСУДАРСТВУ

С ним и дня прожить не могли мы
без, как оказалось, вранья,
что едины и неделимы.
Государство – это не я.
А ведь было дело под речи
об единой общей судьбе...
И не прячемся, и при встрече
нам взаимно не по себе.
Говорим словами чужими
в непривычном третьем лице
о тоталитарном режиме
или о терновом венце,
о конце народного Бога...
Только, как себя ни готовь,
тут такая, брат, безнадега,
будто платим мы за любовь.
Тут и правильно, и неловко,
и вообще – какого рожна!
У него другая тусовка,
у меня пацан, да жена,
да рубли, да зубы, да муза –
вот ещё об этом – да тьфу!

Свёрнутая карта Союза
в детской, от греха, на шкафу.

* * *

*«Свобода приходит нагой»
Французская народная мудрость*

Со спиртом и пепси-колой
в четвёртом часу утра
свобода приходит голой,
весёлой и «на ура»

в семью, так сказать, поэта,
где здесь вам уже не тут,
где сын и жена поэта
и пяткой не поведут,

а «сам» покажет коряво,
как мало счастлив, но рад –
родная моя шалава
накинёт жёнин халат,

умело с мылом и содой
отмоет по стопарю,
и я пойду за свободой
на кухню, перекурю,

и мы присядем, и въедем
в разбавленный килограмм
за добрую ночь соседям!
здоровье прекрасных дам!

и чтоб в овощных консервах
поменьше бы нам костей!
и чтобы были, во-первых,
родители у детей! –

и всё это в полудрёме,
по-тихому, до шести...
Свобода в моём дурдоме
умеет себя вести.

А тем, кто любит свободу
народной или срамной,
напишет дивную оду
с ней пивший передо мной.

* * *

Над замыслом слезами оболюсь.
А замысел – позавтракать, помыться,
посочинять о том, чему не сбыться.

Загадывать – не то чтобы боюсь,
да слово к чёрту валится из рук,
который раз – хорошенькое дело! –

картошка разварилась и сгорела,
и газ погас, и ясно, что не вдруг.

И надо бы за дело, не за так,
разок намылить шею домовому,
который дурью мается по дому:

загадывать – не то чтобы мастак,
да вот уже не первый выходной
примета – кроме слёз воды не вылить,

и это, стоит голову намылить.
А главное, что слово не за мной.

И, отмываясь чайничной струёй,
солёное отплёвывая мыло,
мне б угадать, к чему всё это было,

и чья печаль кочует над семьёй,
едва на службу выбежит жена,
а муж начнёт разгуливать в исподнем

да размышлять о промысле Господнем,
который называется – Она.

* * *

Отставить мордбой и блядки,
штаны поправить – и айда
сдавать посуду, господа!
Пора завязывать, ребятки.
Потерю злого куража
объявим прибыльной потерей...

Работа в жанре бухгалтерии
полна накала и свежа,
и рядовой интеллигент –
с порога в гору!
Аты-баты,
идут поэты предоплаты
и режиссёры second hand –
идут герои-дембеля
себя показывать на танцы
квитанций банка, франко-станций
и безналичного рубля.

Культура прёт в купецкий клуб,
теснит аборигенов к лавкам
и бережно берет за круп
весь перечень товарных групп,
истосковавшихся по ласкам –
ах!

Сходятся Восток и Запах,
добротный дух и целина
(со страшной силой, но она
заключена в красивых лапах).
И будет – что?

Терпи, бумага,
как скрестит бедное перо
материальное добро
и то добро, какое – благо,
смешает «сов-», «культур-»
и «кап-»
не навсегда,
но как этап.

Играй, фантазия, теки,
вези кубы, тюки и слитки
концерта имени А. Шнитке
в лабазы имени Луки,
твори, не требуя наград
и гонораров!
А тушенку
украшит профиль Евтушенко,
как ГОСТ, как цензор и гарант,
а Филя натаскает Хрюшу
по карле Марксу,
и у них

повырастают «деньги-штрих»
плюс потребление на душу,
и, может быть, чудные дети
моих детей – на этот свет,
на веки – мне за строчки эти
положат по одной монете
достоинством «один эстет»!
Ату, фантазия, туфту
гони, приметы и примеры
из, господа, не нашей эры,
но –

нашей горечи во рту.
В кармане чёрная дыра,
и наволочка грязновата.
Но связываться – не пора.
Пора завязывать, ребята.

* * *

...А этот снег был так хорош –
Он назывался Ваша Светлость,
его спящая несметность
гасила лунный медный грош,
и, очевидно потому,
игра теней с фонарным рядом
казалась балом-маскарадом,
где вход и всем, и – никому.

Как не войти, когда ногам
хотелось вальса в паре с тенью,
когда командовал метелью
весёлый Штраус Иоганн.
То Дон Жуан, то Дон Кихот
В неё влюблялся Рихард Штраус,
но –

наступало время пауз.
Шёл снег – небесный тихоход.
Шёл звездочёт и книгочей,
на волю выгнанный затворник.
С ним утром сталкивался дворник,
а до утра он был ничей
и мог отпущенной душой
благословлять безлюдье улиц,
где – на ходу ли, на бегу ли –
творился день,
такой большой,
что, несмотря на кутерьму,
мы говорили:
– Как красиво!

Кому за то сказать спасибо?
Вы сами знаете – кому.

* * *

Течёт домашняя наливка.
Чаёк. Смородиновый лист.
И открывает гитарист
романс «Калитка»,
и в ночь серебряных черёмух
поёт, и видит на крыльце
амура, взявшего прицел
на верный промах.
А в позе розового тельца
на фоне дачи и луны –
лишь понимание: лгуны,
в кого ни целься...

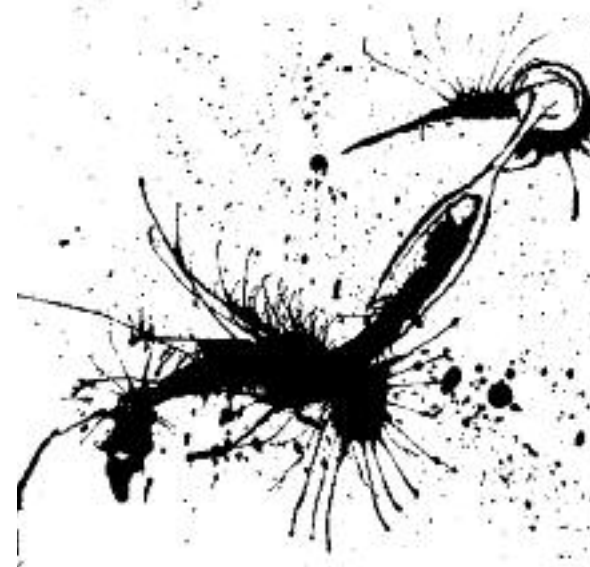
Тоску в лицо, гитару в руки
вбивают, требуют «ещё!»
хмельные гости, жжёт плечо
ладонь супруги –
«Эх! за! гу! лял!» –
но

боком, боком
ведёт героя от стола
в траву:
– О Господи, стрела...
о чёрт!.. хоть локон...

И нет стрелы. И нет обмана.

– Вы изменились, Дон Гуан?

Но судорогой по губам:
– Донна Анна!..

* * *

Если Ваши дела не взаимны –
так и быть, приходите ко мне.
Сочиняю домашние гимны
по умеренно малой цене
за какие-то два-три часа
на хождение по магазинам
за «отдельной» – не хлебом единым
заедем, если есть колбаса.

Ну а нет – с молодым человеком,
сочинителем гимна про дом,
пометём по домашним сусекам
и по людям домашним пройдем:
у соседа махнём на консервы
табачок, у соседки мацы
нацыганим – не всюду же стервы,
и совсем не везде стервецы!

Ну а если – такое бывало –
на столе и в подъезде – облом,
согласимся, что я – приживала,
так и быть, но – за Вашим столом,
где радушны и гостеприимны
по умеренно малой цене...

(Посвящается первой жене.)

Сочиняю домашние гимны
ради пары теней на стене.

* * *

Моё от меня не уйдёт.
Меня только равный убьёт
по боли, по вере, по дури,
по нашей совковой натуре,
по совести. Раз уж равны –
и мне не уйти от вины,
что вдруг в рукопашном бою
твою черепушку пробью.

Но кровь наша красная, Русь,
бормочет:
авось обойдусь,
авось не сочтёмся бутылкой,
товарищ, над братской могилкой.

* * *

И в основном, и в остальном
похожи друг на друга.
Не туго с мясом и со сном,
а вот со счастьем туго.

За то, что где-то там оно,
а не в жене и муже,
нам понимание дано.
А вот со счастьем хуже.

За это я тобой любим,
и мною ты любима.

Я быть могу тебе любим,
да только счастье – мимо.

* * *

Была бы воля,
а любовь была бы краткой,
без алкоголя,
без эротики украдкой.

У «Метрополя»
с малолетней демократкой
всего-то навсего подумать об одном –
о том законе,
по какому люди – братья,
её ладони
передать своё пожатье
и ничего не ждать
от выреза на платье,
не убеждать её отужинать вином.

*«...Отцвели уж давно
Хризантемы в саду,
А любовь всё живёт
В моём сердце больном»*

Душа была бы –
мы, под горочку влекомы,
шажок хотя бы
без вины и без оскомы,
что куры бабы,
а мужчины – костоломы,
всего-то навсего до кружева ворот
шагнули вниз
и шли бы садом, царским садом,
до обелиска
и до будки с лимонадом,
раз это близко
просто потому, что рядом,
и никакого там хождения в народ.

*«...Сколько раз из-за Вас
Мучился, томился.
Один раз из-за Вас
Чуть не удавился»*

Была бы вера
в доброту людей и дамы
у кавалера –
сами вымерли бы хамы
эСэСэСэРа,
из каких наверняка мы!
Всего-то навсего твержу, куда жив:
«Была бы пара!
воля!
вера!» – так ведь нет...

Ах!
зато есть «та-ра!
та-ра-ра!», как в опереттах
мсье Легара,
в упоительных дуэтах,
где я, мой ангел, ослепительно фальшив:

*«Один барон любил ворон гонять и свиту.
Играл барону граммофон “Кармен-сюиту”,
Или чего-то с похорон, или “Трембиту”,
А у барона был приятный баритон!»*

* * *

До того дописался, что село
пол-Союза на хлеб и на квас
под борьбу за рабочее дело
и мою писанину о Вас.
В Уренгое кончается газ,
переулками от Моссовета
цыганёнок уводит коня –
бедный князь! – и с меня
ещё спросят за это.
Ну а я? Ну а я – всё о Вас!

Сколько раз я (то «Страсти по БАМу»,
а то антисовхозный рассказ,
а то сразу Устав и Программу)
сочинял – выходило о Вас.
Вы – мой асоциальный заказ,
Вы – надежда, что даром не сгинем
от какой-то там ярости масс,
да гори она глаз
Ваших пламенем синим...
Ну а я? Ну а я – всё о Вас!

Я раздумал записку премьеру
и сатиру на происки ТАСС –
за царицу, народность и веру
я борюсь описанием Вас.
Получается – полный атас!..

...Девятнадцатый век на исходе.
Революции вроде бы нет.
Ваш любимый поэт
пишет Вам о погоде.
Ну а я? Ну а я – всё о Вас!

ТЕМА ОФЕЛИИ

Есть женщина. А кажется, что нет.
Нет даже слов, а только речи, речи.
Ищу рукой: вот – волосы, вот – плечи.
Есть женщина. А кажется, что нет.

Нет женщины. А кажется, что есть.
Хочу проверить, так ли это, снова
себе и только говорю два слова:
«Нет женщины». А кажется, что есть.

Есть женщина. И ей легко забыть
меня, уйти, но – рядом оказаться.
Ведь женщине так нравится казаться,
когда решаешь «быть или не быть?».

* * *

Прости, красавица певичка,
что песни разные поём.
В инакомыслии моём
четыре четверти – привычка,

с которой прячу за слова
тоску по ласковому маю.
И я тебе не подпеваю,
И ты, наверное, права,

когда партеру под «фанеру»
даёшь на выходе одну
и ту же новую волну –
всё ту же маленькую веру,

а я уже какой строкой
никак её не обмозгую –
я слышу музыку другую
или не слышу никакой.

А ты зовёшь к весне и морю
меня, зажатого толпой
твоих фанатов, – пой же, пой,
плевать, что я тебе не вторю,

а только чувствую вину
лишь в том, что чувствую инако.
Поскольку вою, как собака,
на красоту, как на луну.

* * *

В Тимирязевском лесу –
солнце и февраль,
точно кто их подбирал
к твоему лицу,

точно кто его любил
так, как я сейчас,
и в ладони, горячась,
сослепу ловил,

а похожий человек
головой качал,
и была твоя печаль –
прошлогодний снег,

точно всё равно тебе:
тот или другой
ошибается рукой
на чужой судьбе,

точно не было и нет
никого с тобой,
а сегодняшняя боль –
прошлогодний свет.

В Тимирязевском лесу
я тебя люблю.

Мы стоим лицо к лицу,
к солнцу, к февралю.

РОМАНС О ЛЮБВИ К ВЕЩАМ

Вот рамка для декадного единого билета.
Вот табака дукатного сырая сигарета.
Вот курточка бульжного неходового цвета.
Давай возлюбим ближнего хотя б за это.

А вот виньетка, роз букет, в углу фотопортрета.
Вот папиросница в руке червонного валета.
Вот у жилета бального кармашек для брегета.
Давай возлюбим дальнего хотя б за это.

А вот стихи для пения – вот мелкие монеты
На дне реки забвения, неутомимой Леты.
В неё куплеты о вещах бросая по куплету,
Иной любви не обещаю – хотя бы эту.

* * *

В. Овчинникову, Е. Вирену и С. Ромазанову

Написал «снег идёт» – он пошёл, по-весеннему светел.
По-весеннему? – Да! и для снега апрель сочинил.
Написал «встретил Вас» – и на первой же улице встретил.
Вот бы здорово так – чудеса из бумаг и чернил.
Вот бы здорово – делать словами погоду на утро,
возвращенье любимых людей и возвращенье Земли.
Но из этого следует – жить откровенно и мудро, как никто.
Даже Боги пытались, и те не смогли.

Написал и порвал. И не жаль, если заново надо
повторять все земные грехи от своей немоты:
как я глуп! как я слаб! – в январе нет как нет снегопада,
всех друзей разогнал и к последней богине на «ты».
Но жива еще вера в слова, как бы ни было плохо
от таких и таких-то напрасно обещанных дел.
Я в себе и любовь, и друзей собираю для вдоха,
чтобы выдохнуть: «Снег!..» – и увидеть, как он полетел.

ТЕАТР ОДНОГО ПАРТНЁРА

Есть такой подвид литературы – тексты песен и стихи для спектаклей. Жутко трудная писанина, которая в одиночку не делается – только на пару с режиссёром. А то и с драматургом, в три головы. И тут хоть пляши от восторга над сочинённым текстом – если кто из них говорит «не то», текст летит в корзину. После разбора, где и почему «не то», пишешь новый.

В итоге запросто может выйти – и выходила! – тарабарщина с кучей ремарок. Со стороны глянешь: полная чушь! Но, дивное дело: она же, спетая и отыгранная на сцене, смотрится связно, работает на спектакль. За этим тебя и звали.

Каким-никаким умением писать для сцены в первую голову обязан давним друзьям – режиссёру Володе Овчинникову и уже упомянутому Егору Вирену, который ещё и драматург. Плюс постановщику музыкальных номеров Володе Луизо: он, как никто на моей памяти, умел научить актёра петь текст любой степени трудности. В 1983 году, если память не изменяет, эта тройка впрягла меня в первую серьёзную работу – над спектаклем московского театра-студии «Лицедеи» по рассказу Ю. Тынянова «Малолетний Витушишников». Постановка вышла яркой, дерзкой и неглупой, меня признали годным к написанию текстов для сцены – и взяли в оборот.

И хоть славы это занятие не принесло (пик удачи – в 1991-м сочинил загадки Турандот для спектакля Гария Черняховского и на банкете после премьеры, на пари с молодыми вахтанговцами, нагло, в открытую увёл бутылку вина из-под носа М.С. Горбачёва, толкавшего хвалебную речь театру. Через месяц то же самое учудил с М.И. Ульяновым, тогдашним вахтанговским худруком)... Так вот: славы я не обрёл, зато стал другом Овчинникова и Вирена. Плюс – соучастником их театральных затей. Большинство задумок дошло до зрителя (некоторые по сей день на афишах), что-то осталось на стадии репетиций. И на бумаге.

Эта часть книги – подборка текстов для наших с Володей и Егором театральных работ плюс упомянутые «Загадки Турандот». Собрана она по одному признаку: тексты можно читать с листа, не утомляясь и не держа в уме, что со сцены они звучали лучше.

Для музыкального спектакля «Чудо-ребёнок, или Спасение утопающей, вознаграждённое монархом» (по рассказу Юрия Тынянова «Малолетний Витушишников», инсценировка Георгия Вирена, постановка Владимира Луизо и Владимира Овчинникова, московский театр-студия «Лицедеи», 1983 г.)

АРИЯ ВИТУШИШНИКОВА,
15-ЛЕТНЕГО ОТПРЫСКА
КОЛЛЕЖСКОГО АСЕССОРА,
ПОДРОСТКА СМЕТЛИВОГО
И ПРЕДПРИИМЧИВОГО

Копейке нелегко подняться
до полновесного рубля.
Копейка спит. Копейке снятся
проценты, займы, векселя.

Я был копеечным мальчишкой,
пока в себе не воспитал
уверенность, что мелочишка
способна сделать капитал.

Я не грабитель, не мошенник,
не кровопийца, я – иной:
на всём, на всех я вижу ценник,
с весьма доступною ценой.

Картуз примят, сюртук отглажен,
на бабе – лён, на даме – шёлк,
и – без разбору! – власть продажи!
Вставай, копейка,
я пришёл!

АРИЯ ГОСУДАРЯ
ИМПЕРАТОРА
НИКОЛАЯ ПЕРВОГО

О, как я хочу поменять
дела на безделье в Париже!
Но здесь *кто* заменит меня?
Смотрю – и достойных не вижу.

Мерзавцы, бездельники, сброд,
лентяи, картёжники, воры!
Хоть кто-нибудь жизнь за народ
отдаст? Нет! Одни разговоры!

Страдать, не щадя живота
во славу России, *кто* сможет?
Где жертвы? *Они* – ни за что
себя на алтарь не возложат.

Всевышний, ты должен создать
страдальца – другим в назиданье.
Я первым согласен страдать.
Подайте же чашу страданья!

С завтрашнего же дня
отказываюсь от бланманже!

АРИЯ ФАДДЕЯ
БЕНЕДИКТОВИЧА
БУЛГАРИНА, ЛИТЕРАТОРА,
УМЕЮЩЕГО ОБЛЕКАТЬ В
СЛОВА МЫСЛИ И ЖЕЛАНИЯ
ВЫСОКОПОСТАВЛЕННЫХ
ОСОБ

Господин министр знает, чего хочет,
а сказать не может. Это его гложет,
это его мучит, это его точит.
Кто его научит, от него получит
большое царское спасибо,
большое царское «люблю!»
и за слова, звучащие
и строго, и красиво –
ни более, ни менее
за слово по рублю.

Господин министр знает, чего хочет.
Но вернее знает тот, кто сочиняет
за него, невежду, якобы надежду,
якобы свободу якобы народу.
Большое царское спасибо,
большое царское «люблю!»
в моих руках! И если
кто-то скажет некрасиво
в *наш* адрес,
я мерзавца р-раздавлю!

АРИЯ КАБАТЧИЦЫ

Меня наемни поп стыдил
за то, что я бесстыжая,
а в это времечко к нему
подвинулась поближе я,
и он мне тихо говорит:
«Грешить не полагается...»,
а сам глядит куда нельзя –
и не отодвигается!

И вот уже моя рука
его рукой поглажена,
и слышу, шепчет батюшка,
что с Господом улажено,
что обниматься не грешно,
отталкивать – безбожно,
И что грешить – запрещено,
но понемножку можно!

Наш поп, конечно, голова,
и по его примеру
легко законы забывать,
не забывая меру.
И я хитрю, и я ловчу,
и забавляюсь этим,
но – понемногу, по чуть-чуть...
Никто и не заметит!

*Для спектакля
«Евграф, искатель
приключений»
по пьесе Алексея Файко
(сценическая версия
Георгия Вирена,
режиссура Владимира
Овчинникова,
московский театр-студия
«Лицедей», 1984,
постановка не завершена)*

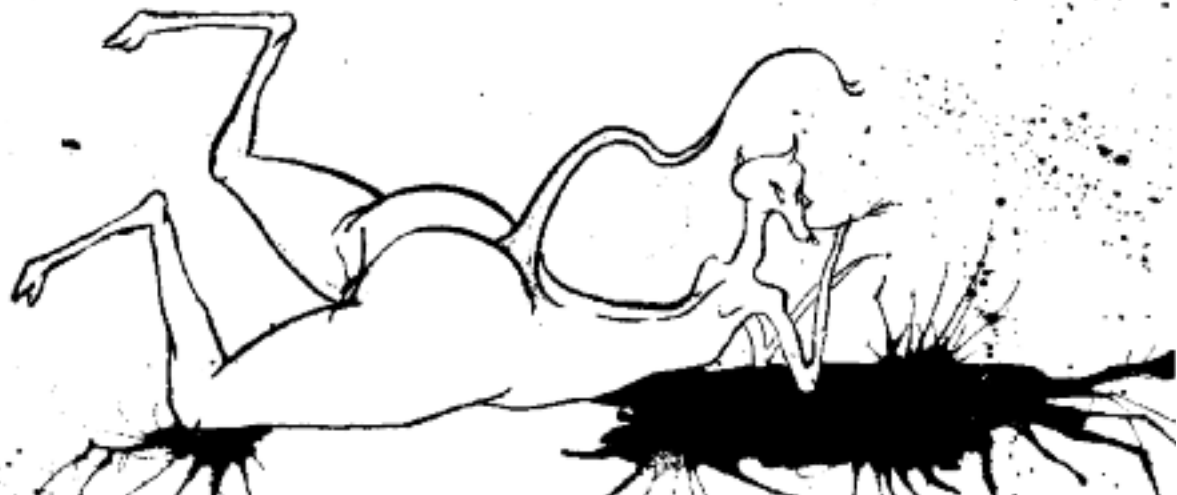
ГОЛОС БЕСА В ГЛАВНОМ ГЕРОЕ

Не заучивай роль назубок,
не мешайся в житейский расчёт,
потому что является Бог.
и, конечно, является чёрт.

И тебя к ним обоим влечёт,
ты служил бы двоим, если б мог,
только Бог на поверку – не чёрт,
а случается, даже не Бог.

Заматавшихся мыслей клубок
размотать бы, но время течёт
слишком быстро – и сам себе Бог,
верь не верь, ты и сам себе чёрт.

Жизни – ровно на выдох и вдох,
и плевать на хулу и почёт...
Почему же является Бог?
Потому что
является
чёрт.

*Для спектакля
«Приключения
“Красной Пьесы”»
(московский
театр-студия «Лицедей»,
1985,
постановка не завершена)*

ПЕСНЯ КРАСНОАРМЕЙСКОГО ОТРЯДА

Речка – молоко,
Берега – кисель!
И недалеко
До неё отсель!
Нам бы по глотку да с её берегов!
Да нельзя, покуда не добьём врагов.

Тишина, покой,
Царская постель!
И недалеко
До неё отсель!
Там бы на боку да поспеть в кулак!
Да нельзя, покуда шевелится враг.

В розовом трико
Сладкая мамзель!
И недалеко
До неё отсель!
Кабы вот такую да тебе и мне!
Да нельзя, покуда все мы на войне.

ПЕСНЯ ОФИЦЕРА- БЕЛОГВАРДЕЙЦА

Взамен кокарды –
Шестёрка пик!
Дурная карта,
Гвардейский шик.
Гони до Трубной
Да поживей!
У Веры губы
Тузом червей!

Ах, Вера-птица,
Шестнадцать лет!
Дозволь влюбиться
Пока одет,
Плесни мадерцы,
Тоску развей –
Побито сердце
Тузом червей!

Ах, Вера, Верка,
Пляши, играй!
Кабак не церковь,
Бордель не рай.
Засну на стуле,
А меж бровей –
Дыра от пули
Тузом червей.

ПЕСНЯ ОТРЯДА «ЗЕЛЁНЫХ»

Жеребца покрывает кобыла,
«Марсельезу» поют соловьи.
Всё, что было, то сплыло,
И не будет, как было, –
Революция, се ля ви!

Вот корова летит,
Вот ворона плывёт,
Вот акула поёт о любви.
Мы ворону – пиф-паф!
Мы корову – пиф-паф!
И акулу – ы-ыть!
Се ля ви!

И уже наплевать, за кого ты –
Убивай и пируй на крови!
Для хорошей охоты
Нам нужны идиоты –
Революция, се ля ви!

Видишь, белый летит!
Видишь, красный плывёт,
А сопливый поёт о любви!
А мы белого – шлёп!
А мы красного – шлёп!
И сопливого!
Се ля ви!

ПЕСНЯ БРОДЯЧИХ АКТЁРОВ

Зол и голоден актёр.
Денег ни гроша,
А в загул, а на простор
Просится душа!
Говорят, актёры
Обожают пьесы,
Где героями обжоры,
Пьяницы, повесы,
Где дозволено прильнуть
К даме пышных форм...
Только даме этой грудь
Сделал бутафор.

На тарелке у актёра –
Восковое мясо.
Вместо рюмочки ликёра
Пьёт он рюмку кваса...
Пусть и выпить, и поесть
Предлагает пьеса –
У господ актёров здесь
Мало интереса!
Пир на сцене или мор,
Похороны, свадьбы –
Лишь бы сделать полный сбор!
А потом гулять бы!

*ВАЛЬСОК из спектакля
«Завтра была война»
по роману Бориса Васильева
(инсценировка
Георгия Вирена,
постановка
Владимира Овчинникова,
театр-студия «Зеркало»
г. Красногорска,
1986 г., в 1993 г.
возобновлён
в Волгоградском ТЮЗе)*

Если не будет войны,
выучусь на командира
армии школьного мира,
где равны
все – и на первый-второй
их не поделишь, ведь каждый
в будущем самый отважный,
самый великий герой.

Если не будет войны,
я поведу их в атаки,
в битвы, где ружья и танки
не нужны,
где надо только мечтать,
только быть добрым и честным,
чтобы всемирно известным
вместе с товарищем стать.

В будущем мирном году –
сорок втором, сорок пятом –
в эти же стены к ребятам
я войду,
сяду, дождусь тишины,
глядя в их чистые лица,
думая, с кем им сразиться,
если не будет войны.

*Для спектакля
«Наш парень при дворе
короля Артура»
(по мотивам повести
Марка Твена
«Янки из Коннектикута
при дворе короля Артура»,
инсценировка
Георгия Вирена,
постановка
Владимира Овчинникова,
театр-студия «Зеркало»
г. Красногорска, 1988 г.)*

ПЕСНЯ-ПРОЛОГ

Хор актёров.

Герою без подвига – плохо!
Но вот как бывает порой:
Пошел бы на подвиг герой,
Да только мешает эпоха!

Беда настолько велика,
Что ей поможет только чудо!..
А ну, герой, вали отсюда,
В свои любимые века!

Там подвиг – раз-два и готово!
Пиф-паф, тьфу – и нету врага!
А сделать народу блага? –
Пожалуйста! Проще простого!

Ты поразишь людей игрой
Ума – и с этим выйдешь в люди.
А мы – увидим,
Мы – рассудим,
Какой эпохи ты герой.

ДУЭТ СРЕДНЕВЕКОВОГО РЫЦАРЯ И ЕГО ДАМЫ СЕРДЦА

Рыцарь. Розамунда, Бог с тобою!
Чтоб ты сдохла – я из боя,
Я едва из рукопашной,
А уже тебя люблю!
Не ломайся, Розамунда!
Тут и дела-то секунда,
Выходи, не то я башню
Запалю и развалю!

Дама. Слушай, ты, сопля в железе,
Не болтайся у ворот!
Я б сошла, так ты полезешь
Целоваться прямо в рот!

Рыцарь. Розамунда, ты в уме ли?
Я ж тебя в амурном деле
Целовал когда-то сдуру,
После думал, чем заесть.
Ни огня в тебе, ни перца –
Одно слово, «дама сердца»!
А в обозе у Артура
Пожирнее девки есть.

Дама. Не ори на всю обитель!
Говори, чего пришёл?
Тут со мной телохранитель –
Будешь мужества лишён!

Рыцарь. До чего ж ты бестолкова!
Я сегодня еду снова
На войну! А ты, корова,
Позабыла, что велят
Куртуазные порядки:
Я ж тебе по разрядке
Должен подвигов десятки
За какой-то нежный взгляд!

Дама. Ты бы с этого и начал,
А не башню мне ломать!
Дай Вам, рыцарь, Бог удачи!
Да хранит вас... Бога мать!

ПЕСНЯ РЫЦАРЕЙ – ОПОРЫ И ОХРАНЫ ТРАДИЦИЙ

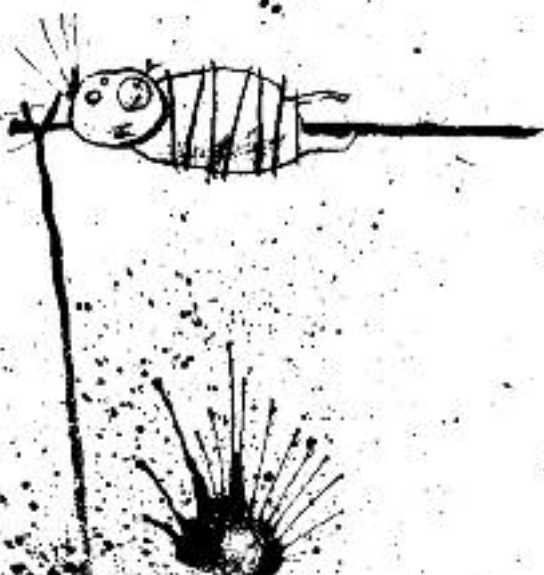
Всё живо и здорово
На родине родной!
Со мною Божье слово
И мой король со мной!

А если что и было
На родине родной, –
Со мною Божья сила
И мой король со мной!

Ничто не изменилось
На родине родной!
Со мною Божья милость
И мой король со мной!

Для спектакля
«Не ходите, дети,
в Африку гулять!»
(по стихам Корнея Чуковского,
постановка Владимира
Овчинникова,
театр-студия «Зеркало»
г.Красногорска, 1989 г.,
в 1993 г. возобновлён
в Волгоградском ТЮЗе)

ФИНАЛЬНАЯ. ПЕСНЯ

Хор актёров.

Снова солнце светит
Прямо в левый глаз!
Приходите, дети,
Мы научим вас
Лучше всех на свете
Дурака валять!
Приходите, дети,
В Африку гулять!

Будем петь мы пляски,
Песенки плясать!
Погибать, как в сказке!
Сказочно спасать!
Будем тем и этим
Взрослых удивлять.
Приходите, дети,
В Африку гулять!

Если вас родители
Будут умолять:
«Дети, не ходите
В Африку гулять!»,
Приходите с мамой,
С папой или без –
Вновь гулять
По этой самой
Африке чудес!

Для спектакля
«Сапоги всмятку»
по водевилям А.П. Чехова,
(постановка
Владимира Овчинникова,
Волгоградский ТЮЗ,
1998 г.)

РЕПЛИКА АКТЁРА В ЛЕТАХ

Каждый смертный, на сцену взошедший
И возжаждавший славы земной,
Не скажу, чтобы он сумасшедший –
Он, скорее, душевнобольной:

На уме у него бенефисы,
Бесконечные «браво!» и «бис!»...
Но забвенье из каждой кулисы
На актёров глядит и актрис.

В ожидании грома оваций
Выходил я на шаткий помост,
Обречённый на нем оставаться
До пока не снесут на погост,

Выходил – и с галерки не «браво!»
Доносилось, и даже не свист –
Храп я слышал. И ради забавы
Кто-то крикнул: «Прикинься, артист!»

И заохало чёрное эхо
В закоулках актёрской души.
И пригрезился мне доктор Чехов.
И сказал он: «Дыши, брат, дыши,

Не сдавайся» – и вместо пилюли
Он мне дивную роль прописал...
И немедля забыв о могиле,
Я вдохнул – и запел-заплясал!

Я на сцене, как будто впервые:
Дрожь в ногах, и туманится взгляд...
Потому что актёры – живые
Пять, и десять, и сто лет назад!

РЕПЛИКА КОМИКА

– «Любовь, она в театре – сущий ад!» – однажды, от любви умом поехав, так про себя подумал доктор Чехов, который на актрисе был женат.

Всё было так. Чему тут удивляться? В театре невозможно не влюбиться и этим зажигать огонь в крови. Во МХАТе и в провинциальном ТЮЗе всё служит самой главной нашей музе – не Мельпомене, а Любви, Любви...

Она – залог сценических успехов. Но правильно подумал доктор Чехов: «Любовь, она в театре – сущий ад!» Скандалы, клевета, интриги, драки! Макаки, сексуальные маньяки! Как – вот таким! – сыграть «Вишневый сад»?!

А ведь играют... ещё как играют! Живут на сцене, любят, умирают и на поклонах воскресают вновь. Играют, как живут – не без огрехов, чего уж тут...

Вы правы, доктор Чехов: «любовь в театре – больше, чем любовь»

РЕПЛИКА ТРАГИКА

Все актёры – как дети малые.
Их профессия – баловство.

Вот откуда всё небывалое
Театральное волшебство!

Но к нему ни за что на свете
Относиться нельзя всерьёз,

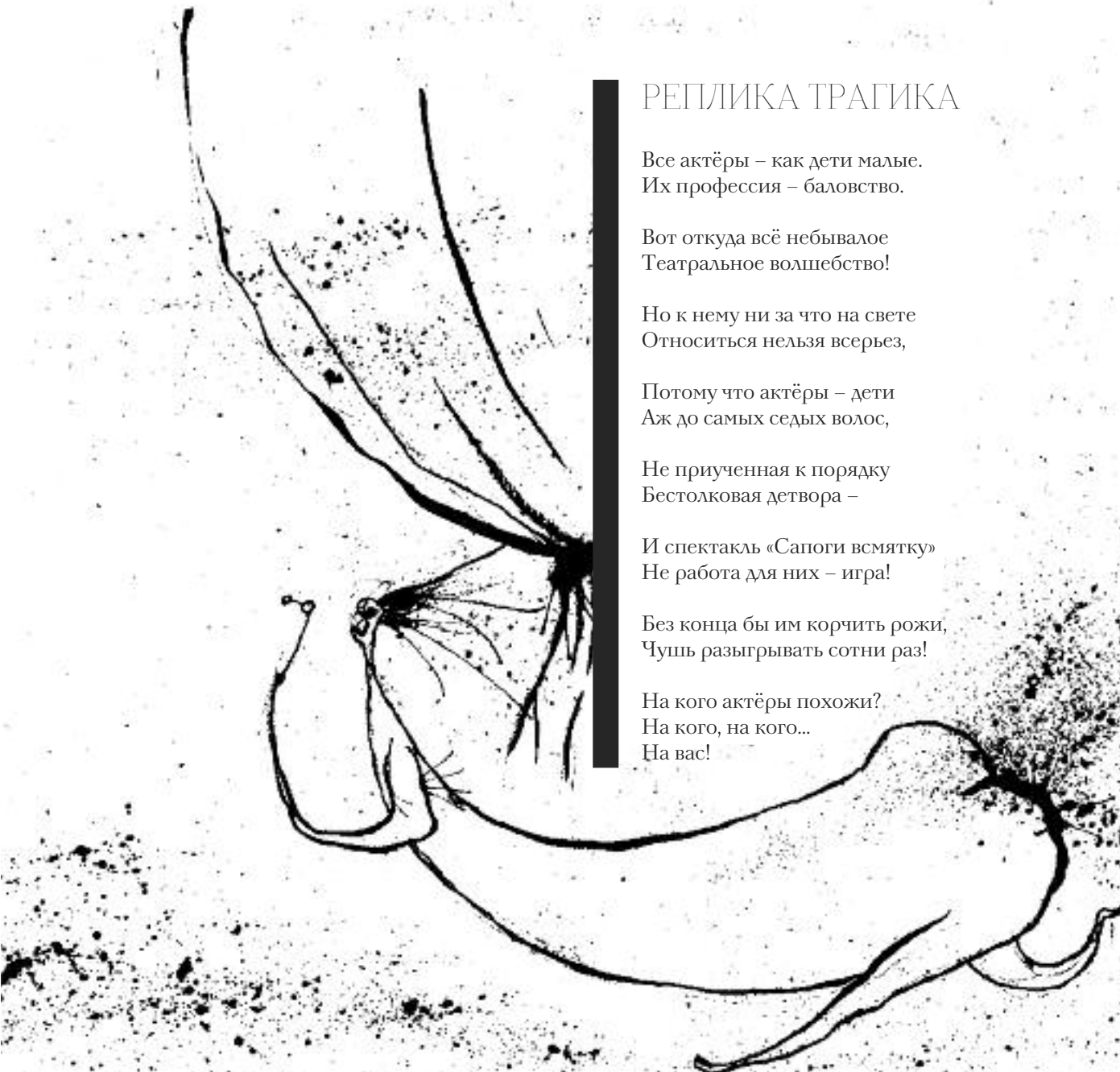
Потому что актёры – дети
Аж до самых седых волос,

Не приученная к порядку
Бестолковая детвора –

И спектакль «Сапоги всмятку»
Не работа для них – игра!

Без конца бы им корчить рожи,
Чушь разыгрывать сотни раз!

На кого актёры похожи?
На кого, на кого...
На вас!

АРИЯ КЛЮЧНИЦЫ, ТАЙНОЙ СОЖИТЕЛЬНИЦЫ
ПОМЕЩИКА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОМОВА
(водевиль «Предложение»)

Любимый-милый-дорогой,
всё в вашей воле!
Вы видели меня нагой
и даже боле!
Я тоже видела нагим
всё ваше тело...
Пора заняться и другим –
пора за дело!

У вас в саду не первый раз
созрели вишни,
но этот сад, пойми, для нас
он – третий лишний:
сад и дохода не даёт,
и окна застит...
Хотя уже не первый год –
всё в нашей власти!

Кругом почти что все подряд
живут богаче!
Повырубим вишнёвый сад,
построим дачи –
и наконец-то заживём
других не хуже!
Богато.
Праведно.
Вдвоём.

Женой и мужем.

АРИЯ НАТАЛЬИ СТЕПАНОВНЫ ЧУБУКОВОЙ,
НЕВЕСТЫ И СОСЕДКИ ЛОМОВА, ДЕВИЦЫ И
ДОМОВИТОЙ И РОМАНТИЧЕСКОЙ. ИСПОЛНЯЕТСЯ В
ОТЧАЯНИИ ОТ ССОРЫ С ЖЕНИХОМ ИЗ-ЗА ЛУЖКОВ –
СПОРНОЙ ЗЕМЛИ НА ГРАНИЦЕ ИХ ПОМЕСТИЙ.
В ФИНАЛЕ АРИИ ЧУБУКОВА ГОТОВА СОВЕРШИТЬ...
НО МЕДЛИТ С ЭТИМ

Чубукова.

Он не вернётся! Я ему не пара.
Часы моей судьбы двенадцать бьют!
И не покрыта крыша у амбара
Лишь потому, что кровельщики пьют!

И племенная тёлка не покрыта –
Крестины пятый день у пастуха!
Финита ля трагедия, финита –
Последнего прогнала жениха.

Вернись, вернись! Сам посуди, на что нам
Делить Лужки, а после в петлю лезть!..
Останусь нераскрывшимся бутонем.
Мне двадцать пять. Мне скоро двадцать шесть!

Года летят, а я ещё девица!
Я знаю всё про ключницу твою!
Женись на ней... чтоб после застрелиться...
Но прежде я сама себя убью.

О, горе мне! Любимый, наша свадьба
Не состоится из-за пустяка!
Твоя невеста и её усадьба –
Обеим так нужна твоя рука!

Ты не вернёшься! Так чего ж я медлю?
Вот мыло, вот верёвка, вот скамья...
О Господи, прости – уж лучше в петлю
Чем видеть, как навек...
Чем видеть, как навек...
(*Входит Ломов.*)
Чем видеть, как навек...

Ломов.
Ох, ё... м-ма... я... (*Парная немая сцена.*)

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЯ ТРУППЫ,

она же – тост

А ну, шампанского!
А ну, шампанского –
за то, что есть у невесты жених!
Они пригожие,
они похожие,
и нам положено выпить за них!
Героям тоста – ни пуха, ни пера,
ведь это просто актерская игра!
А ну, шампанского!
А ну, шампанского нам!
А ну да здравствует зритель, ура!

Гора, как водится,
с горой не сходится,
а человек человека найдёт!
Они поплачутся
и подурчатся,
и человек человеку – нальёт
за то, что жизнь бестолкова и добра,
совсем как наша актёрская игра!
А ну, шампанского!
А ну, шампанского нам!
А ну да здравствует зритель, ура!

За вас, родимые,
необходимые,
мы поднимаем вот этот бокал –
за этот зрительный,
за удивительный,
за переполненный публикой зал!
За то, что вы заплатили за билет!
За то, что в кассе билетов больше нет!
А ну, шампанского!
А ну, шампанского нам!
А ну да здравствует зритель, ура!

И кушать подано,
и выпить подано,
и мы вот так отмечаем аншлаг!
Билеты проданы!
Билеты проданы!
Простите нас, если что-то не так!
А мы пригубим шипучего винца
за то, что вы досидели до конца!
А ну, шампанского!
А ну, шампанского!
А ну да здравствует зритель, ура!

И последний фрагмент этой части.

Предваряя его, скажу, что в начале 90-х, как ни скромничай, а попал в историю российского театра – с лёгкой руки Виктора Шендеровича, с которым сдружился в ранее упомянутой «Кардиограмме». Театр имени Вахтангова решил тогда омолодить-осовременить свою программную «Принцессу Турандот», подрядил Витю на сочинение интермедий. Витя, в свою очередь, сосватал меня на сочинение трёх рифмованных загадок Турандот. Напомню, что по сюжету комедии китайская принцесса загадывает их Калафу – сыну астраханского царя, влюблённого в Турандот вплоть до жажды жениться. Загадывает прилюдно: в присутствии отца, двора, китайских мудрецов и двух рабынь, равнодушных к Калафу. Если тот ответит верно – айда под венец, если нет – голову с плеч! Такая вот комедия.

Распираемый гордостью (до меня эти загадки сочиняли Гоцци и Антокольский – с кем в один ряд встану!), я ухватился за работу всем, чем мог, и тут же ощутил себя Калафом: не справлюсь – отвечу, по сути, головой. К счастью, паника была недолгой: приказал себе вчитаться в варианты Гоцци и Антокольского, думать над «как их превзойти? что они упустили?» – и отгадка закричала с листа! Великий Карло и уважаемый Павел Григорьевич сделали из сцены загадок испытание ума Калафа – ошибка, при всём почтении! Турандот в этой сцене испытывала не столько ум Калафа, сколько его чувства к ней... а как иначе-то? Пытая принца загадками, она ждала услышать: я о тебе лишь мечтал! всех ценностей ты для меня дороже! всегда ты будешь для меня загадкой! Такое вот признание в любви.

Об этом я и написал – с учётом пожелания заказчика вставить в текст что-нибудь на злобу дня, кричащую приметку 90-х. Вставил, сути она не поменяла, текст приняли, он прозвучал со сцены.

Я, к слову, мог его не услышать: Шендеровича и меня (с жёнами, разумеется) забыли пригласить на премьеру – на первый показ, куда звали Горбачева с супругой, его свиту и бомонд. Уйдя в обиду, мы решили не унижаться до напоминания театру о себе. Лишь усилия жен подвигли нас смирить гордыню.

Вот так вот, предварив высоким слогом... короче, занавес пошёл!

Театр им. Вахтангова,
1991 год, спектакль
Гария Черняховского
«Принцесса Турандот»
по пьесе Карло Гоцци,
явление 5-е, фрагмент

Дворец, зал Дивана, в зале: Турандот (на троне, с завешенным лицом), её отец император Альтоум, Калаф, Панталоне, Тарталья, рабыни Адельма и Зелима, мудрецы, стража.

Турандот (Калафу).

Скажи мне, чужестранец, что такое:

«Я пробуждаюсь в человеке,
На небе строю города
И мёдом наполняю реки
В одно мгновенье, без труда!
Слепому я дарую зренье,
А грешнику – покой в раю,
Бродяге я без промедленья
Принцессу в жены отдаю!
Но всех, кого я наградила,
Я заодно и обману.
Что я за чудо, что за сила?
Не у меня ли ты в плену?»

Калаф. Я был бы счастлив, гордая принцесса,
если бы все загадки были так же легки.
Ты спрашиваешь, что за сила
Всё может вмиг и без труда?
Она, коварная, пленила
И привела меня сюда!
И пусть меня обманет та,
Чья красота подобна чуду,
Я верен ей. И верным буду...

Турандот. Кому?

Калаф. Тебе, моя мечта!

Мудрец. Мечта!

Все. Мечта! Мечта! Мечта!

Зелима. О боги! Милостивы будьте!

Адельма. О небо, не давай ему отгадки!

Турандот. Отгадай, кто я такая?
«Я и другу, и врагу,
Шелестя или сверкая,
Если буду – помогу.
Отнесу число и слово
Я за горы и моря –
Там со мной купца простого
Обласкают, как царя!
Мне слагают славословья
Эфиоп и алеут!
Твёрже, чем твоя любовь, я!
Кто я? Как меня зовут?»

Калаф. Шелестишь или сверкаешь,
Носишь слово и число,
Целый мир пересекаешь,
Над любовью шутишь зло?..

Все. Не знает, не знает, не знает!

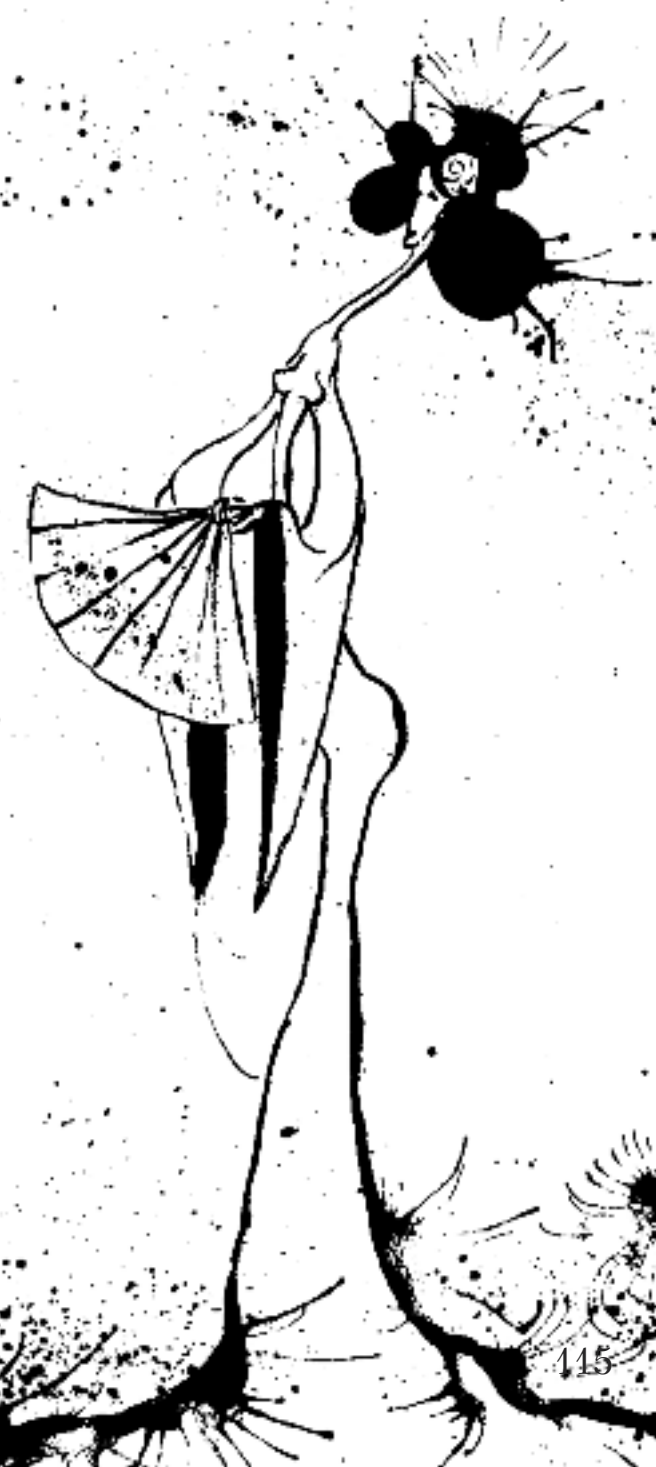
Калаф. Лети от эфиопа к алеуту
На радость и торговцу, и царю!
Я, Турандот, тебя боготворю,
Но – более ни слова про валюту!

Все. Валюта! Валюта! Валюта!

Турандот. Узнай, глупец несчастный!..

Зелима. Когда б загадкой этой кончить
испытанье!

Турандот. Чем больше ты стремишься
превзойти меня...

Ансельма. Увы мне, я его теряю!

Турандот. Тем больше мною ненавидим! Отсюда ты не выйдешь!
«С любви срывая покрывала,
Моё, последнее, сорви,
Чтобы узнать: любовь пропала,
Где нет меня – там нет любви!
Я – есть. И нет тебе покоя,
И снова – жажда и тоска.
Вот – Турандот. Она близка,
Но – далека!
Скажи мне, кто я?»

Турандот отбрасывает покрывало. Удар барабана. Калаф делает шаг назад, чуть не падает, его поддерживают Тарталья и Панталоне.

Калаф. О, принцесса, вы вашей красотой меня смутили, я в восхищении, но я не побеждён!
Лицо любви без покрывала
Или под сотней покрывал
В себе таит не идеал,
А только близость идеала.
Твоей улыбки красота
Обычна и – необычайна!
Трудна отгадка и проста:
Ты – Турандот, что значит... *Тайна!*

Пауза.

Мудрец. Да! Тайна! Верно, верно, верно!

Удар барабана.

Турандот в обмороке падает на трон.

Не волнуйтесь,
всё кончилось хорошо.
Спокойно читайте дальше.

ДАВАЙ
НАПИШЕМ
И СПОЁМ

Во-первых, есть такие люди – каэспэшники. Я, как ни крути, один из них. С 1977-го по 1984-й – в КСП «Лефортово», с 1992-го по н.в. – в КСП «Калужский».

В «Лефортово» пыжился быть и пересмешником, и автором более-менее серьёзных текстов. С годами выяснилось, что первое – получилось, а второе зажило помимо меня. Денег не принесло, но узнан-признан бывал.

Этим в первую голову обязан своим добрым приятелям Сергею Симонову, Шамилю Абрярову и Андрею Крючкову – мелодистам калибра много шире среднекаэспэшного. Несколько моих текстов, ставших их песнями, – первая главка этой части книги.

* * *

На музыку С. Симонова.

Песню можно найти на портале www.bard.ru.

Давай напишем и споём
без похвальбы и без оглядки
про то, что всё у нас в порядке
и даже – творческий подъём.

Зайдёт словечко на постой –
глядишь, и строчка подрастает,
и к ней мелодия простая
уже не кажется простой,

а просто хочется понять,
откуда появилось это,
где ни припева, ни куплета
и ни прибавить, ни отнять,

где мы как будто ни при чём,
и нам как будто интересней
ходить с уже не нашей песней,
как с нашим золотым ключом,

ходить, гримасами стуча
в глаза, как в запертые двери...
К чему стучать? Давай проверим,
как здесь относятся к ключам.

Ну как, подходит? Ни черта?
Не то замки другой системы,
не то кругом глухие стены?

– Входите. Дверь не заперта.

* * *

Еще одна песня на музыку С. Симонова – услышать её можно на том же портале. А также на компакт-диске Вадима и Валерия Мищуков «Песни нашего круга».

Мы по-прежнему стареем –
Кто неспешно, кто скорее.
Постареем, присмиреем,
Соберёмся в мир иной,
Детям «выделим излишки»,
Низведём дела в делишки,
Но появится мыслишка:
Не тряхнуть ли стариной?

И будут к водочке грибки,
Чай с ватрушками,
Как сойдутся старички
Со старушками,
Как по прошлому пойдут
Будто ощупью,
Напевая на ходу
Нашу общую,
И роняя по пути
Годы лишние,
И гуляя до пяты,
Как в давнишние
Удалые времена,
Бесшабашные,
Чтоб назавтра вспоминать
Про вчерашнее!

А назавтра кости ноют
С нехорошей новизною.
Тело глупое, больное –
Сами посудите, как
Быть душе с такою тарой?
Эх ты, дурень, дурень старый!
Смерть – с клюкой, а ты – с гитарой,
С прежней силушкой в руках!

И от восьмидесяти восьми
К двадцати шести
Ты же можешь, черт возьми,
Всех нас вывести!
Так гони по осевой,
Не постанывай!
Не успели мы всего –
Значит, заново
Собираться старичкам
Со старушками,
Ставить водочку к грибкам,
Чай с ватрушками,
Пробираться по годам
Будто ощупью,
Напевая – как всегда! –
Эту, общую.

ПРОВОДЫ ЛЕТА

Музыка – Симонова, трек песни – в том же сетевом ресурсе.

Проводы лета. Мы – в нём, и поэтому ждём повторенья.
В кухне натоплено, дух от накопленных банок варенья.
Мы угощаемся, благодаря, мы защищаемся от октября,
чайным глотком облегчая оскомину просьб о пощаде.

Наше спасение в том, что мы бросили летом до осени,
где-то посеяли – охами-ахами лбы перепаханы.

Ты огорчаешься, просишь:

– Напомни-ка...

Плавает в чайнике шарик шиповника.

– Пей, – я напомню, по новой наполню. – Ну как, полегчало?

– Да, полегчало, хотя поначалу не так, чтобы очень.

Видишь ли, смежу дожди не помеха, покуда не осень –
что-то замотан я в этой связи... Ладно, чего там – кривая, вези,
трогай, и с Богом, следить за дорогой пока неохота.

Нет, мы не спятили, просто в апатии есть своя прелесть –
мало-помалу заметить, как палые листья запрели,
их на ходу протыкая зонтом, мокнуть и думать слегка не о том,
выйти наружу, себя обнаружить осенью – в Новом Году.

Наше спасение в том, что мы бросили летом до осени...

* * *

Следующий текст на музыку Симонова, как оказалось, весьма ценим знатоками «тяжелого металла» – благодаря покойному Анатолию Крупнову, лидеру «Чёрного Обелиска». Версия (аранжировка) Крупнова – в антологиях «ЧО», на портале www.youtube.com, в сетевых музыкальных магазинах, без указания наших с Сергеем фамилий. Это, упаси Бог, не в упрёк Анатолию Германовичу – не его вина, да и мы не в обиде. Тем более что непонятка с авторством песни недавно разрулена при участии Марии, первой жены Крупнова. Маше – персональное спасибо.

– Аве, Цезарь, друг сердешный. Проходи. Давно заждались. Нет, не поздно. Да, конечно, Не развязывай сандалий. Брось ты эту табуретку! Принесите гостю кресло! Он у нас бывает редко, Так уж пусть понежит чресла. Пей. Озяб-то как собака... Угощайся... ах, не курим! Мужики, кончайте вякать – Мы сейчас побалагурим, Тут у нас такие гости – Украшение компаний! Что, не спится на погосте? Или плохо закопали? Или совесть беспокоит? Иль соседи – кровопийцы? Или что-нибудь такое, Что забыли летописцы? Или вовсе не забыли, Да писать об этом тошно? Знать, за это и убили?	– Император – не святоша! Без убитых он не может Удержаться на маршруте, А в тоске, на царском ложе, Я мечтал о Марке Бруте! Да! Мечтал! А вышел кукиш Эпитафией на прах мой – Милосердие не купишь, Не измеришь тетрадрахмой. Милосердие – для слабых, Сильным – яду из флакона. Мне бы слабость, я тогда бы Не стоял у Рубикона. Так за что же, Боже правый, Ты сыграл со мною в прятки, Почему не дал отравы?! – Тише, Цезарь. Всё в порядке. Ты у нас душа святая. Ты – борец не за награды. Что? Пора? Уже светает?.. Заходи. Мы будем рады.
---	---

* * *

На музыку Шамиля Абрарова. В Сети трека песни не нашёл.

По дороге фронтовой
ехал цугом ездовой –
то ли от передовой,
то ли к ней,
то ли правил парой кляч,
то ли шестернёю вскачь,
то ли с песней, то ль – хоть плачь.
Вам видней.

Этой тягой гужевой
доставлялся неживой
крытый тканью плащевой
ратный груз –
то ли пушка под чехлом,
то ли те, кто несть числом –
все с холодным да с челом.
Ай, не трус!

Жаль коней, людей не жаль:
распрягай и заряжай,
запрягай и нагружай
сколько хошь.
Погоняй коней, браток,
правь на запад, на восток!
Кровь – водица, ты – глоток.
Аль не пьёшь?

Пей да думай, ездовой,
непробитой головой,
кто там – одногодок твой,
кто – в летах.
Им, покойным, тишь да гладь,
мягко спят, да жестко стлать.
Нынче – возчик, завтра – кладь.
Долго ль так?

БЛАГОПОЛУЧНЫЙ РОМАНС

На музыку Андрея Крючкова, трек песни выложен на www.bard.ru

Свернуть, подняться и войти
Туда, где будешь долгожданным.
К хозяйке, мальчику, собаке
Ничуть не надо привыкать.
Под душем душу отвести,
Достать бельё из чемодана,
И, тыча в дырку на рубахе,
К себе вниманье привлекать.

Знакомый чайник закипит,
И чашек полные пригорюшни
Украсят старенькую скатерть
Под немудрёный разговор:
– Сюда бы полочку купить...
– А сын-то весь в тебя – притворщик!
А пёс лукаво зубы скалит.
Квартира окнами во двор.

Кому занятны пустяки?
Тому, кто верит в их секреты.
Ведь линии, пересекаясь,
Всего лишь точку создают,
Но из неё холостяки
Идут в семейные портреты,
По ходу дела привыкая
Платить правами за уют.

От пункта Я до пункта МЫ
Ещё бежать и задыхаться,
Но перед этим, перед этим
Давай заключим уговор:
Ни от тюрьмы, ни от сумы,
Ни от любви не зарекаться,
Когда, усталые, заметим
Квартиру окнами во двор.

Во-вторых, как было сказано выше, в 1992-м, после восьми лет писанины вне авторской песни, занесло меня на слёт КСП (куста) «Калужский». В кусте застрял всерьез, был принят в группу «Апельсины», где с 1995-го занялся наглым, бесцензурным передразниванием авторской песни – и не только её. Результат – где-то за сотню дразнилок. Большинство – плод мозговых штурмов, другую их долю я писал в одиночку. С десяток наших тестов – следующий фрагмент этой части книги.

Прежде чем отдать его вашему вниманию – благодарность «Апельсинам» и «калужанам», дивной части каэспэшного народа, который бывает вменяемым и ведаёт, что творит. И ещё: для приведённых здесь дразнилок я брал тексты песен Г. Васильева и А. Иващенко, А. Дольского, М. Звездинского, А. Макаревича, Н. Матвеевой. А также цитаты из стихов Ю. Визбора, А. Вознесенского, Б. Пастернака, М. Пляцковского, Б. Савельева, Д. Самойлова, Д. Сухарева.

Это и к сведению, и с уважением.

ФИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

выступления «Апельсинов» на слёте КСП «Калужский» весной 2005 г.

На мотив песни Алексея Иващенко и Георгия Васильева «Кончается четверг».

Немножечко кончается суббота,
И до скончания светового дня
Со сцены идиота корчит кто-то,
Немножечко похожий на меня.

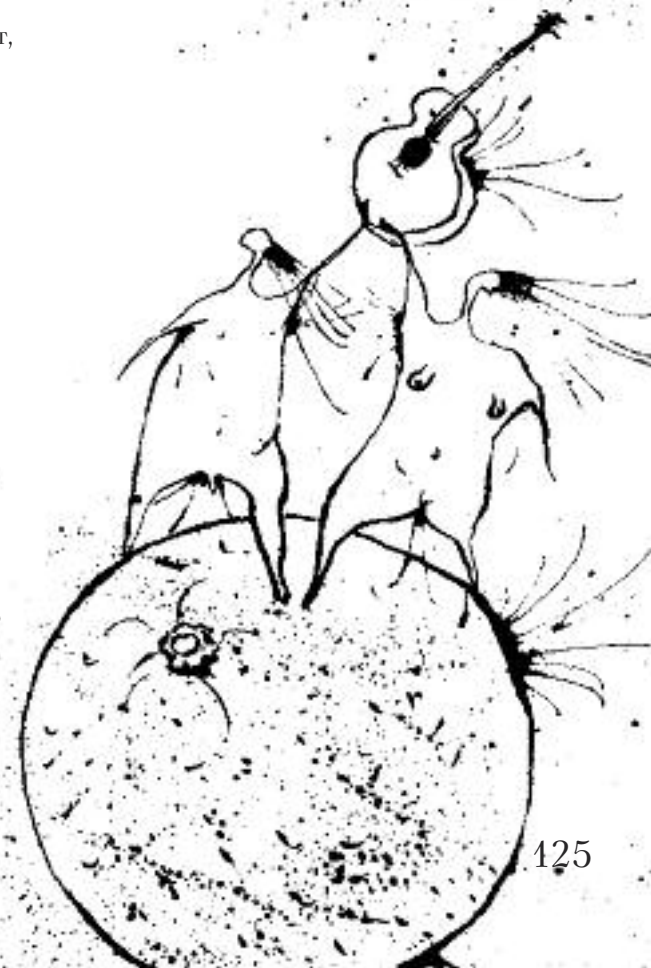
Он, может быть, совсем другого хочет,
Настроенные струны теребя...
Красавица, что рядом дуру корчит,
Немножечко похожа на тебя.

«Калужские» рабочий и крестьянка –
За это их своими признаёт
«Калужская» двухразовая пьянка
Немножечко похожая на слёт.

Она им расточает комплименты.
Она их критикует каждый раз.
Ах, до чего ж добры интеллигенты
Немножечко похожие на вас!

Ах, публика, красавица, фемина!
Как мотылёк, ты тянешься к огню!
Да, в нашем выступлении половина
Немножечко похожа на фигню!

И корчит идиота перед залом
И швец, и жнец, и на душе игрец.
И наше выступление финалом
Немножечко похоже на конец.

АРИЯ «КУРОЧЕК»

*из мюзикла «Курочка Ряба», разыгранного «Апельсинами»
на слёте КСП «Калужский» весной 2005 г.*

На мотив песни Александра Дольского «От прощанья до прощанья».

В небе звёздочка зажглася,
Над рекой закат потух.
Вместо счастья голый вася –
Щас накинется, петух!
Неподъёмен, нескончаем
Наш куриный женский труд:
Нас дерут, а мы крепчаем,
Нас ещё сильнее дерут!

И отказать не удаётся!
Проще живьём в супе свариться!
Что же ещё нам остаётся?
Разве только дожждаться принца!

Дождалась одна такая –
Вся рябая, просто жуть...
Чё смеётесь, раздолбай!
И такие прынца ждуть!
В золотых лучах заката
Постучался, все дела.
Сама, дура, виновата,
Что впустила и дала!

Не было ей больно нисколько –
Было легко, было красиво!
Не было лишь, не было только
Между ними контрацептива!

А наутро он покакать
Попросился за крыльцо –
И свинтил. И фиг ли плакать!
Снесла курица яйцо
Не простое – золотое,
Весит ровно целый пуд!
Агромальных денег стоит!..
(Резкий мужской свист.)
Извините, нас зовут!

И отказать не удаётся,
Вечно у них – спереди дыбом.
Что же еще нам остаётся?
Разве только сказать спасибо!

АРИЯ-ВОПЛЬ

каспэшника, разбуженного утром второго дня слёта. Из выступления «Апельсинов» на слёте КСП «Калужский» весной 2002 г.

*На мотив романса «Ты меня на рассвете разбудишь»,
сочинённого Алексеем Рыбниковым на стихи Андрея Вознесенского.*

Ты меня по печёнке ударишь,
Об меня сигарету потушишь,
Скажешь: «Доброе утро, товарищ!»,
Но мой утренний сон не нарушишь.

Заслонясь от удара по рёбрам,
Я подумаю: «Боже Всевышний!
Это утро не может быть добрым!
Эта водка вчера была лишней!»

И качнется бессмысленно мысль,
Шевельнётся, как спящий Геракл:
«Что же я перед сном не пописал?
Что же я перед сном не покакал?»

Спит супруга. Ей тоже хреново.
И листва шелестит над палаткой...
Да пошло оно всё на три слова,
Что кончаются буквой «и краткой»!

Я на Кришну похож! И на Вишну!
Я похож на Христа и на Будду!
Как я водку с утра ненавижу!..

Наливайте, товарищи.
Буду.

ПИСЬМО В ПАРИЖ. АННЕ КОРОЛЁВОЙ ОТ БЫВШИХ МОСКОВСКИХ СОСЕДЕЙ

*Дразнилка на популярную в КСП песню Вадима и Валерия Мищуков.
Из выступления «Апельсинов» на слёте КСП «Калужский» весной 2006 г.*

*На мотив песни «Королева Анна»
(стихи Давида Самойлова, музыка Вадима Мищука).*

Как тебе живётся, Аня Королёва,
В том Париже? Видно, нелегко
Отвыкать от «семьдесят второго»
И потягивать «Вдову Клико»?

Там у вас загадочное дуют:
Божоле, анжуйское, перно...
Купажисты день и ночь колдуют,
Виски смешивают – но!

Если влить в пол-литра политуры
Жидкость для ращения волос,
Двести грамм желудочной микстуры
И напшикать дихлофос,

Влить туда резинового клею
И разбавить лаком для ногтей,
С этого французы – околеют,
Мы же – делаем детей.

Опосля четвёртого стакана
Храмы делаем и терема!
Неужели, Королёва Анна,
На «Шанель» подседа ты, кума?

От «Шанели» близко до панели –
сбережёшь ли красоту и стать?
И во всём Париже неужели
политуры не достать?

Мы тебе водички из-под крана
В баночку собрали литра два...
Самолёт с посылкой утром рано
Вылетит из «Шереметьева-
два!»

Как тебе живётся, Анька Королёва,
Замужем за нашим атташе?
Раз не пишешь, значит – некуёво.
Ты чужая нам уже.

ФИНАЛЬНАЯ ПЕСНЯ

*выступления «Апельсинов» на слёте КСП «Калужский» осенью 2005 г.
Её пели наши дети, а в конце – и мы, с виду взрослые.*

*На мотив «Песенки про хорошо и плохо»
из м/ф «День рождения Кота Леопольда»
(музыка Бориса Савельева, стихи Михаила Пляцковского).*

Дети. Мама развела
Дядю из ГАИ,
Как последнего лоха!
Маме он отдал
Денежки свои.
А когда наоборот – плохо.

Мама у меня,
Папа у меня –
Лучшие на всём свете!
Если нет любви,
У людей – фигня.
А когда наоборот – дети!

Вывели закон
Папины друзья,
Нам его понять сложно:
– Пиво и вино
Смешивать нельзя!
А когда наоборот – можно!

Дети и Взрослые.
Здравствуй, человек
Завтрашнего дня!
До чего же мы ещё дети!

Фрагменты выступления «Апельсинов» на осеннем-2007 слёте КСП
«Калужский», оно же – «Корпоратив непрестижных профессий»

ПЕСЕНКА ДЕЖУРНОЙ ПО ЭСКАЛАТОРУ

На мотив песни Новеллы Матвеевой «Солнечный зайчик».

Я мечтала о морях и кораллах,
Я поесть хотела суп черепаший –
Но попался мне приезжий с Урала,
С эскалатора нетрезво упавший.

Довела его я до медсанчасти,
Документы у него отобрала
И нашла своё короткое счастье
В этом самом олигархе с Урала.

Как бы спел бы про меня Окуджава,
Я всю ночь ему была королева,
И учила я стоять его справа,
Не мешая проходящему слева.

У меня он задержался на сутки,
Черепашу мне прислал из Китая.
И живёт она со мной в нашей будке,
О морях и о кораллах мечтая.

ПЕСЕНКА ГАСТАРБАЙТЕРАМ

исполнители – Хор москвичей

На мотив песни «Александра»
из к/ф «Москва слезам не верит»
(музыка Сергея Никитина,
стихи Юрия Vizбора и Дмитрия Сухарева).

Не сразу всё устроилось, Москва не сразу строилась,
Московская недвижимость не радовала глаз.
Её недавно заново в Отрадном и в Гольяново
Таджики с молдаванами построили за нас.

Гастарбайтер, гастарбайтер, у тебя такие руки –
Вот бы мне такие руки и границу на замке!
Ты чернее трубочиста, но в моём подъезде – чисто
И табличка «Не сорите!» на нерусском языке.

Пока Иваны квасили, Богданы стены красили,
И починял сантехнику Ровшан Турсун-оглы,
Бригада из Киргизии работала на дизеле,
Пока его по лизингу не сдизили¹ хохлы!

Гастарбайтер, гастарбайтер, ниже плитуса зарплата!
От рассвета до заката за лежанку и харчи
Пусть работают другие, потому что дорогие
Мы с тобою – дорогие, потому что москвичи!

Да и дизель, если честно, это тоже – москвичи...

¹ Сдизили – в данном случае «украли дизель».

АНТИГЛАМУРНАЯ,

она же – финальная из спектаклика «Поживем-увидим», разыгранного «Апельсинами» на слёте КСП «Калужский» осенью 2006 г.

*На мотив песни «Никого не будет в доме»
(музыка Микаэла Таривердиева,
стихи Бориса Пастернака).*

Никого не будет в доме,
Если скунса завести –
Столько вони будет в доме,
Что вдохнувших – не спасти!

Но внезапно по квартире
Пробежит спасенья дрожь –
Словно две пудовых гири,
Ты носки свои внесёшь.

На дрожащих задних лапах
Из квартиры выйдет скунс...
Если ты такой на запах,
если ты такой на запах,
если ты такой на запах,
То какой же ты на вкус?!

Ты же вышел из народа,
А народ великий наш –
Весь из сероводорода
И C_2H_5OH .
Не задушишь, не убьёшь!

Вот такая вот культура
На сегодня правит бал!
Мы – противники гламура,
Потому что задолбал.

На сегодня типа всё!

ДРАЗНИЛКА НА КАЭСПЭШНЫЕ ПЕСНИ- СИМВОЛЫ-ВЕРНОСТИ-ИДЕЕ,

на хоровое пение, при котором слова – вне критики. Финальная песня выступления «Апельсинов» на слёте КСП «Калужский» весной 2006 г. Слёт был посвящён 30-летию куста и «кустового движения авторской песни в целом».

На мотив песни «Синай», написанной Вадимом Мищуком на стихи Бориса Чичибабина.

В чистом поле васильки.
Танки Гитлера в Париже.
Уходящему – коньки,
Остающемуся – лыжи.

Всяка доля по уму.
Всяку Пасху яйца красим.
Уходящему – Муму,
Остающимся – Герасим.

Две ноги, одна спина,
Потому что всё от Бога.
Уходящему – «сина-»,
Остающемуся – «-гога».

А у нас в квартире газ.
А в начале было слово.
Что останется от нас
Кроме пеня хорowego?

В чистом поле конь Пегас
И «калужская» подкова.
Очень рады были вас.
Очень рады будем снова.

И последнее в этой части книги.

В авторской песне немало поющих приятно. При всём при этом голоса сильные, яркие, поставленные – редкость, белые вороны. Им тесно, развернуться почти негде. Оттого и слабо востребованы.

Сразу три таких голоса есть в уже упомянутом КСП «Калужский». Конкретно – крепко спетое женское трио: Вероника Прончатова, Олеся Бывшева и Лена Калугина. Трио, прозванное «Калужской Виагрой».

Специально для него я придумал крошечный проект «Сестры По Разуму»: три, как говорят, ремэйка, на всемирно известные мелодии. Тексты (возможно, чересчур дерзкие) написал на русском – вдоль-поперёк оригиналов. Минусовки мелодий приобрёл в Сети; звуковик-профессионал Сергей Железняков довёл треки до ума, до удобствапеть под них. В июле 2008-го «Сестры...» презентовали этот, так сказать, проект. Видео как бы премьеры – на портале www.youtube.com, по адресу www.youtube.com/watch?v=2SjxTJ_YbzY и не только.

А тексты ремэйков – спетые в три красивых женских голоса – вот они.

КОЗЛЫ!

На мелодию песни Without You («Can't live»), чьи авторы – Tom Evans и Peter Ham, а самые известные исполнительницы – Mariah Carey и Kelly Clarkson.

Давай, девки, пострадаем,
Какова любовь, узнаем,
Купим тонкое бельё
Ради неё,
И ночью рыцарь на коне
Взойдёт ко мне!
И ко мне!..
Вместо веры в эту сказку
Дайте нам живую ласку!
Темперамент не ослаб
У русских баб,
И ждут набухшие соски
Мужской руки,
А мужики –

Козлы!
А я всё верю в чудо!
Козлы!
Вы – наша беда!
Козлы,
А ну пошли отсюда!
Козлы,
Идите сюда!

Я страдала, страданула,
С м ста в речку сиганула
И тонула восемь раз,
Пока не спас
Меня пригожий паренёк,
А сам убёг,
Убёг, убёг... дурачок!

Козлы!
А я всё верю в чудо!
Козлы!
Вы – наша беда!
Козлы,
А ну пошли отсюда!
Козлы,
Без вас – никуда!

ТИХИЙ ЛИВЕНЬ

На мелодию Tears In Heaven (Eric Clapton).

Я варю обед.
Ты мечтаешь о пиве.
В доме денег нет.
Ты мечтаешь о пиве.

Я чищу лук,
чиню утюг –
и уже
в моей душе
тихий ливень.

Я слезу смахну –
сразу стану красивей.
Глядя на жену,
Ты мечтаешь о пиве.

Зашёл бы гость,
забил бы гвоздь –
и утих
бы слёз моих
тихий ливень.

Наточу ножи,
напою коня!
Хоть бы раз мужик
напоил меня!
И меня...

Ты только глянь
в мою гортань!
О любви
мечты мои
и о пиве...

Я лежу пластом
и мечтаю о пиве.
Все дела – потом!
Я мечтаю о пиве.

Башка гудит,
а муж гундит.
И вот-вот
с небес падёт
тихий ливень...

Не пивной.
Не проливной.
Тихий ливень...

ЧТОБ ТОЛЬКО ОН!

На мелодию Show Must Go On (Freddie Mercury & Queen).

Одиноко. И, тем не менее,
сила тока, сопротивление
есть во мне. А, значит, будет свет гореть в моём окне
опять и снова, одно мгновение,
и я готова на преступление,
я пойду на полный беспредел, чтоб только он горел.

Чтоб только он,
чтоб только он
горел неугасимо,
и снова я любима,
только мне – не светит.

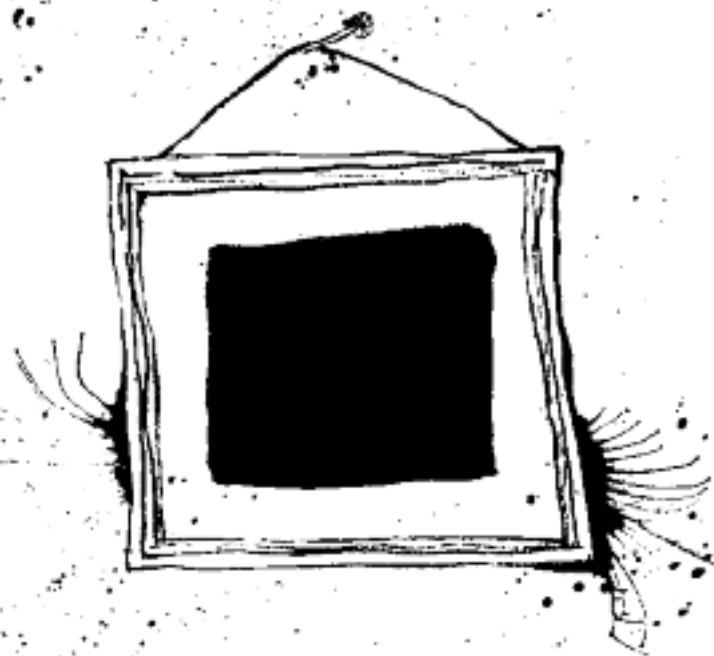
Опять и снова во мне прозрение,
но я готова на повторение.
Есть во мне что-то, отчего не гаснет свет в окне.
Я к униженью готова хоть сейчас.
Я буду тенью, лишь бы свет не гас,
пока живу на свете, плевать мне на молву,
я верю и живу,

чтоб только он,
чтоб только он
горел неугасимо,
и снова я любима,

только мне – не светит.
Тепла не зная, словно бабочка ночная,
у стекла сгорю дотла, светло себя сожгу.
Это всё, что могу,
чтоб только он,
чтоб только он,
огонь любви, не гас,
чтоб было хоть у вас –
о-о-о!... всё хорошо.

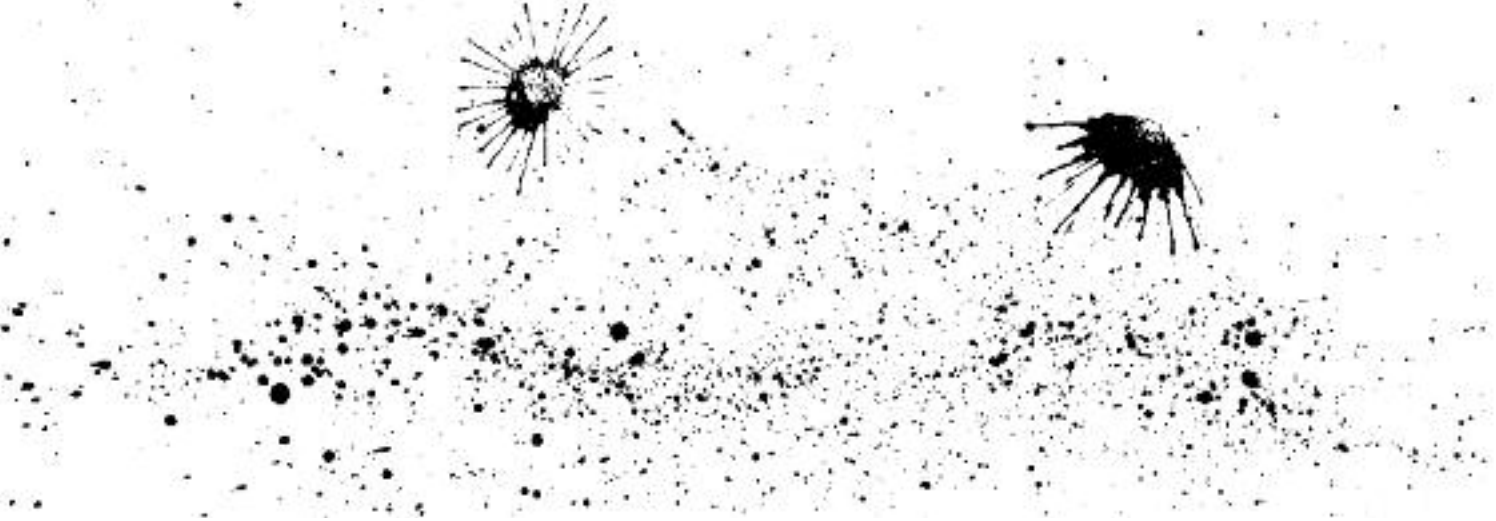
Я всё смогу, себя зажгу,
как вольтову дугу – и будет он,
свет в окне,
дайте мне...
шам... пан... ско... го!

НЕ
КОРЫІСТИ
РАДИО

В детстве и юности мечтал стать спортивным комментатором. В сентябре 1997-го мечта по-смешному сбылась: на Радио Classic придумали крошечную, но постоянную утреннюю спорт-программу «Борис Борисыч на «Пиратском Радио», пригласив меня сценаристом. Актёр Дима Бобров играл вымышленного комментатора Бориса Борисыча, я писал Диме дураковатые тексты о свежих спортивных событиях. Частым гостем программы был друг Борисыча поэт Яша (актёр Саша Суханов) со своими (точнее, моими) стихами на злобу спортивных буден. Программа продержалась почти год – до дефолта.

В память о ней – подборка из трех Яшиных стихотворений. В них, надеюсь, отпечаток не только того времени.

Стихи, написанные в сентябре 1997-го по просьбе соседа Яши, болельщика ЦСКА, слёгшего с заболеванием нервной системы как следствием раздела армейского хоккейного клуба на «ЦСКА» и ХК «ЦСКА» – ранее нечто подобное случилось с ФК «Торпедо» (Москва)

Как в хоккее стало два ЦСКА,
Так душа разбилась на два куска!
И впадаю я в печаль и тоску:
За какую мне болеть ЦСКУ?!

Словно дали мне по «репе» доской:
Ну сыграет ЦСКА с ЦСКОЙ –
Так при первом же удачном броске
ЦСКА моя забудёт ЦСКЕ!

И сначала я на весь стадион
Заору, что «ЦСКА – чемпион!»,
А потом мне станет только больней
За дырявую защиту «коней»...

Я, как будто шизофреник какой,
Изменяю ЦСКЕ с ЦСКОЙ,
А какая ЦСКА цээскей,
Не пойму никак! Такой вот хоккей.

Я в такой хоккей врубаюсь с трудом.
И в футболе – тот же самый дурдом!
У меня же по палате сосед –
Жертва двух своих московских «Торпед».

Стихи, написанные в октябре 1997-го под впечатлением от матча 1/32 Кубка УЕФА «Спартак» (Москва) – «Сьон» (Швейцария) 2:2; победный для «Спартак» результат отменили, назначили переигровку, причина – размеры ворот на стадионе «Локомотив» не соответствовали правилам ФИФА

Прилетела к нам команда швейцарская,
Чтобы вышибить из кубка «Спартак»,
И айда после игры во вратарскую:
Типа, что-то во вратарской не так.

Ну а мы, как дураки, им поверили:
Проверяйте, говорим, всё подряд!
Высоту ворот швейцарцы померили –
«Доннерветтер вашу мать! – говорят. –

Вас ист дас они у фас шибко низкие?
Меньше нормы на ладонь, вас ист дас?
Мы, натюрлих, не наймиты фашистские,
Но пожаловаться будем на фас!»

Ну а мы-то не сказать, что опешили,
А, скорее, постеснялись судью.
Мы бы кой-чего швейцарцам навешали,
Мы бы с ними не сгоняли вничью –

Было впадду, извините, обыгрывать
Этих, Господи прости, стукачей! -
А как станем мы игру переигрывать,
Так и всунем им десяток мячей!

Под завязку насуём аккуратно им!..
Только как бы вот опять стукачи
Не сказали, что у русских квадратные,
А не круглые у русских мячи!

Ох, засудят нас враги иностранные,
Не отбиться нам от этих врагов!
Может быть, у нас поля – шестигранные?
Может, мы пенальти бьём с трёх шагов?

Может, мы пока вообще неготовые
К еврокубкам, потому что мы все –
Одноногие, квадратноголовые
И играем босиком по росе?

И куда только глядит федерация?
И зачем её главарь Колосков?
Не Швейцария у нас и не Франция,
А футбольная страна дураков!

А в отечестве квадратных мячей
Только можно, что валять дурака...

На полянке между двух кирпичей
Разминается вратарь «Спартак».

Стихи, написанные в июле 1998-го – на третий день после футбольного матча «Спартак» (Москва) – «Зенит» (Санкт-Петербург) на столичном стадионе «Динамо»

Третий день кладу на шишку пятак.
Третий день, как в левом ухе звенит.
Просто мимо проходил, а «Спартак»
Принимал в Петровском парке «Зенит».

И не то чтобы я был подшофе,
И не то чтоб я непьющий вообще –
Просто был я в красно-белом шарфе
И вдобавок в сине-белом плаще,

А недавно был финальный свисток,
А я мимо, как на грех, проходил
И не знал, какой у матча итог,
Кто кого, не дай-то Бог, победил!..

Я не то чтоб не болельщик вообще –
Я фанатов не люблю. И ментов.
Я же был тогда в шарфе и плаще
Исключительно российских цветов

И смотрелся как кругом патриот,
Но за это пострадать не хотел...
Сине-белый на меня идиот
С красно-белым заодно налетел,

И как врежут мне в четыре руки,
А за ними дуолом из ОМОН!..
Я от первых бы стерпел – сопляки,
Что с них взять-то! Но когда с трех сторон...

Я за родину готов пострадать –
Третьи сутки в левом ухе звенит!
Только родина моя, вашу мать,
Не «Динамо», не «Спартак», не «Зенит».

И хоть я не русофоб, или чтоб
Сократить хотел число россиян,
Уложил я их... на землю... не в гроб,
Я ж, в отличие от них, не был пьян.

Не люблю дурных ментов и мальцов
Безголовых, уважаю права
Человека. Как любимый Стрельцов,
Я – за мир и за «Торпедо» (Москва).

А «Динамо», а «Спартак», а «Зенит» –
Вы простите, если что-то не так.
В инциденте вас никто не винит,
Никому не присылает
в «пятак».

ВМЕСТО
«ГАВРИЛИАДЫ»

В 1999 году я и поэт Сергей Купеев затеяли проект «Гавририада», к которому Сергей скоро охладел. А я – не скоро.

Для «Гавририады» мы выдумали стихотворца с судьбой Агасфера – некоего Дмитрия Сергеевича Ляцкого, чей архив мы случайно унаследовали. И начали разбирать. И узнали, что именно Ляцкий сочинил и подарил Ильфу с Петровым образ Ляписа-Трубецкого, «торговца многоликим Гаврилой». Более того...

Под «более того» подразумевались наши дальнейшие изыскания о судьбе Д.С. Ляцкого, его месте в литературе. По ходу изысканий должны были всплыть десятки стихов Д.С. – и отчасти всплыли.

Они – и прочие попутно открытые документы – свидетельствовали: Д.С. был прижизненно (!) знаком с корифеями словесности: от Блока до Бродского, от Маяковского до дедушки Крылова и далее в глубь веков. Все они побывали жертвами дурачеств Д.С., его рифмованных дразнилок, где герой неизменно звался Гаврилой. С годами Гаврила стал «именным клеймом» Дмитрия Сергеевича, озорника с судьбой Агасфера.

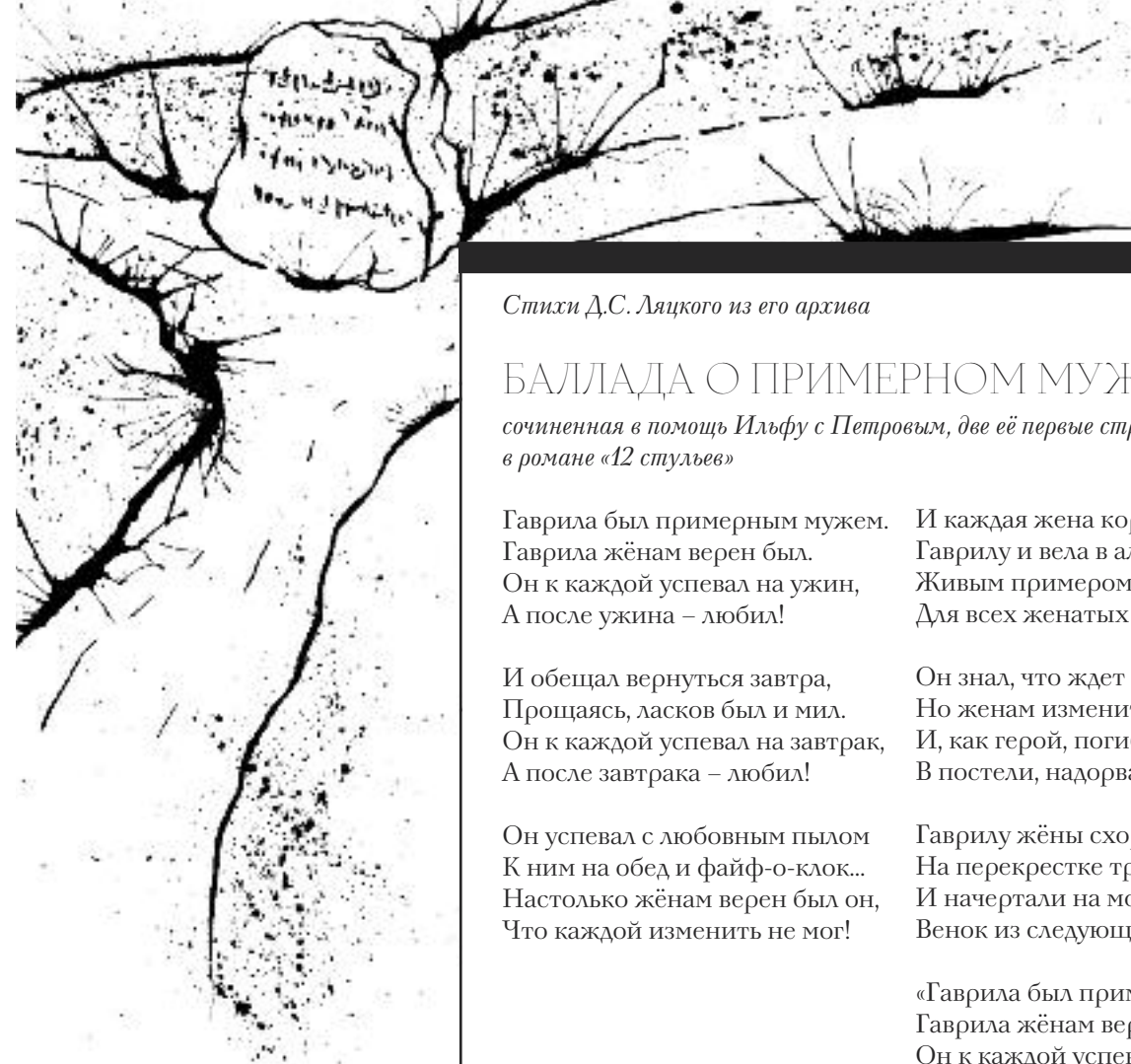
Уверен, читатель догадался: задумывалась мистификация, легенда в жанре архивных раскопок. О том, как некий поэт был некогда наказан бессмертием и вечной жаждой глумиться над мастерами слова... кем? когда? за что?

Нет ответа. Хотя затею эту я тащил года два, успел свести Дмитрия Сергеевича с Державиным, Сталиным, Набоковым и А.Н. Стругацким; собрал подборку «стихов о Гавриле», сочинённых Ляцким от имени Ляписа-Трубецкого – и бросил дело.

Надоело тянуть одному.

Раз в год перечитываю файл за 50 тысяч знаков, мечтаю перелопатить и продолжить его, но рука не поднимается. А жаль. Идея-то из любимых: на первый взгляд забавная, на второй – не только.

Забавы ради – фрагменты из неё.

Стихи Д.С. Ляцкого из его архива

БАЛЛАДА О ПРИМЕРНОМ МУЖЕ,

сочиненная в помощь Ильфу с Петровым, две её первые строки – в романе «12 стульев»

Гаврила был примерным мужем.
Гаврила жёнам верен был.
Он к каждой успевал на ужин,
А после ужина – любил!

И обещал вернуться завтра,
Прощаясь, ласков был и мил.
Он к каждой успевал на завтрак,
А после завтрака – любил!

Он успевал с любовным пылом
К ним на обед и файф-о-клок...
Настолько жёнам верен был он,
Что каждой изменить не мог!

И каждая жена кормила
Гаврилу и вела в альков –
Живым примером был Гаврила
Для всех женатых мужиков!

Он знал, что ждёт его могила
Но женам изменить не мог,
И, как герой, погиб Гаврила
В постели, надорвав пупок...

Гаврилу жёны схоронили
На перекрестке трех дорог
И начертали на могиле
Венок из следующих строк:

«Гаврила был примерным мужем.
Гаврила жёнам верен был.
Он к каждой успевал на ужин,
А после ужина – любил!»

1927 год

«Спецкору Персицкому, или

«ПЛОХО И... ХОРОШО!»

– стихи Михаилу Кольцову, прообразу репортера Персицкого из «12 стульев»

Служил Гаврила журналистом, Гаврила прессу заполнял, при этом был идеалистом и принципам не изменял. Он энергично строил фразу, но ради красного словца Гаврила не сумел ни разу зарезать мать или отца. Его коллеги (сплошь сироты) Гавриле проедали плешь, мол, это надо для работы, а, значит, к завтраму нарежь! Менял Гаврила коллективы – редакторы (сироты сплошь), узнав, что у Гаврилы живы отец и мать, вручали нож и умоляли: «Принеси нам сенсационный матерьял!» Гаврила был примерным сыном – он папу с мамой не пырял, а только приходил с планёрок на пятый день пьяней вина.

Гавриле стукнуло за сорок. Пришли другие времена, и ради слова в новом стиле (того же красного словца) Гавриле предложили в гриле зажарить мать или отца. Но ради жареного слова не стал Гаврила убивать в который раз отца родного, в который раз родную мать. Зато потом в родном Журдоме¹ из принципа Гаврила пил неделю... Что тут скажешь, кроме:

– Побольше бы таких Гаврил!

Декабрь 1938 года

БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ²,

подаренная Блоку к пятилетию его знаменитого стихотворения

Гаврила едет через реку.
Гаврила видит – в реке рак
По улице идёт в аптеку
И погружается во мрак.

Кричит Гавриле: «А пошел ты!..»
Гаврила поперёк реки
Гребёт. Задумчивые болты
Скрипят в уключинах лодки.

Живи еще хоть четверть века,
Исхода нет. Всё будет так.
Ночь. Рак. Река. Гаврила. Грека.
Фонарь. Рука. Аптека. Мрак.

Из мрака однорукий Грека
Выходит с фонарём в руке.
Ночь. Улица. Фонарь. Калека
Гаврилу видит на реке,

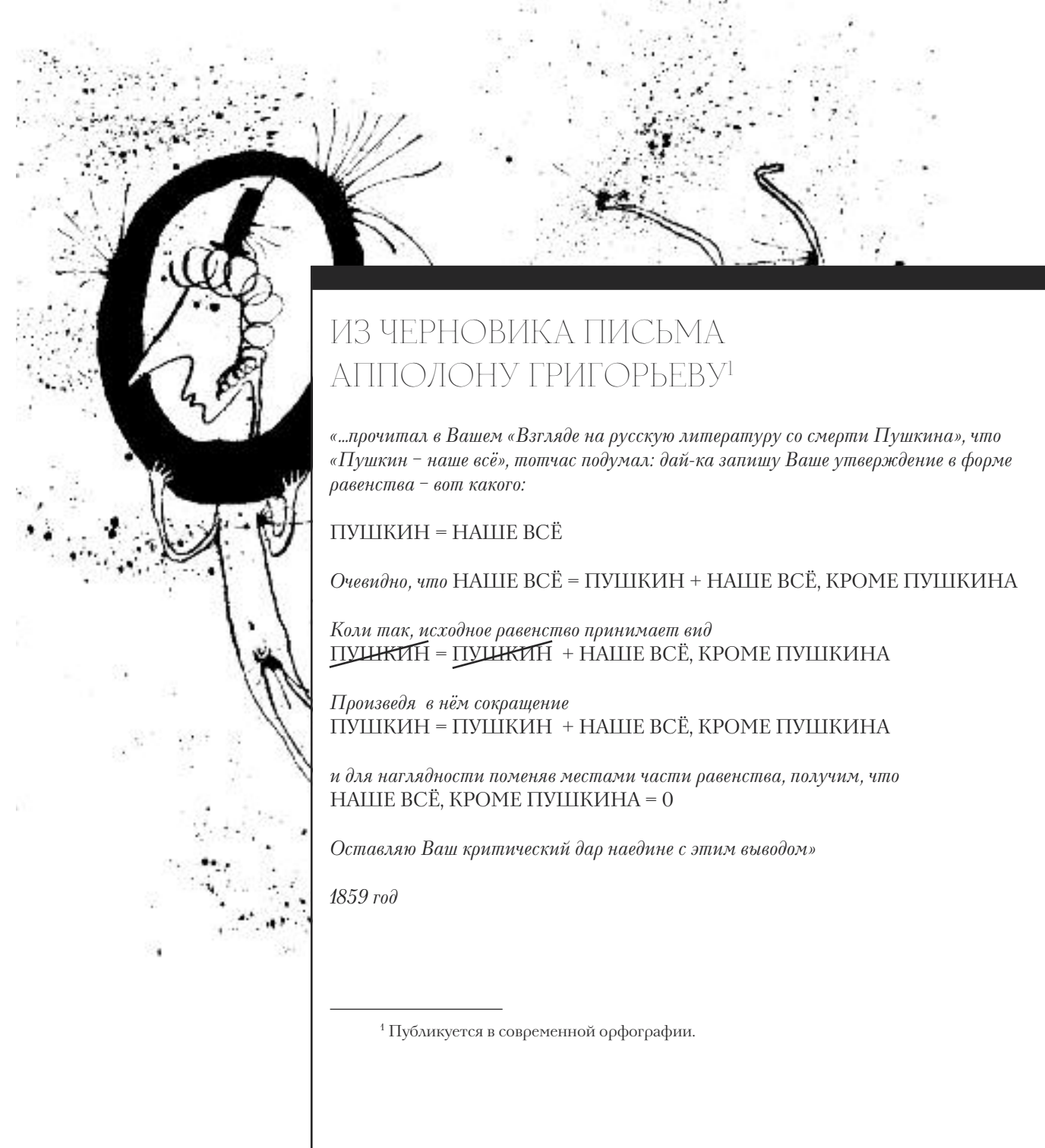
Гаврилин труд тернист и долог.
Под хруст костей, под рачий свист
Не травматолог, не онколог –
Гребёт Гаврила-символист.

И освещает путь поэта
Бессмысленный и тусклый свет.
Не там, не так, и не про это
Писал совсем другой поэт.

Октябрь 1917 года

¹ Дом печати на Никитском бульваре, реорганизованный в 1938 году в Дом журналиста.

² Публикуется в современной орфографии.

ИЗ ЧЕРНОВИКА ПИСЬМА АППОЛОНУ ГРИГОРЬЕВУ¹

«...прочитал в Вашем «Взгляде на русскую литературу со смерти Пушкина», что «Пушкин – наше всё», тотчас подумал: дай-ка запишу Ваше утверждение в форме равенства – вот какого:

ПУШКИН = НАШЕ ВСЁ

Очевидно, что НАШЕ ВСЁ = ПУШКИН + НАШЕ ВСЁ, КРОМЕ ПУШКИНА

Коли так, исходное равенство принимает вид
~~ПУШКИН~~ = ~~ПУШКИН~~ + НАШЕ ВСЁ, КРОМЕ ПУШКИНА

Произведя в нём сокращение
ПУШКИН = ПУШКИН + НАШЕ ВСЁ, КРОМЕ ПУШКИНА

и для наглядности поменяв местами части равенства, получим, что
НАШЕ ВСЁ, КРОМЕ ПУШКИНА = 0

Оставляю Ваш критический дар наедине с этим выводом»

1859 год

¹ Публикуется в современной орфографии.

ДО ДНА!

*Когда одна душа поёт,
другая слушать устает.
И всё не так. И всё в порядке.*

*Я пью за Ваши недостатки,
которых мне недостаёт!*

Последняя часть книги – стихи, по формату не годные для предыдущих частей. Большинство текстов – «датские» (от слова «дата»), для зачитания за праздничным столом с рюмкой в руке. Их я сделал, мягко говоря, немало, о чём ничуть не жалею. Да, далеко не все из них достойны публикации – уж больно камерны, замкнуты на конкретном человеке, его приметах, без знания которых – ни то ни сё, ни два ни полтора... но! Адресаты таких стихов могут вклеить листочки с ними в эту книгу – она станет и полней, и родней. Так?

Здесь же – лишь те «датские стихи», которые я посчитал ясными без пояснений. (Один стишок – чудовищный, зато неплох как тест: его читательские оценки разошлись полярно. Да, я нередко – провокатор, это есть.) Плюс несколько стихотворений явно «по поводу».

Не знаю, как кто, а я такую писанину уважаю. Она и в форме держит, да и радость от неё бывает с ходу. И не только автору. Прав-неправ, судить вам.

Также в этой части – немного совсем ранних стихов, из начала 80-х, вьюношеская лирика. Вставлена сюда по настоянию составителя книги Егора Вирена. Ему она дорога как память о юном Филатове, другой его аргумент: раз уж вынимаем из тебя стихи *до дна*, изволь дать в книгу что-нибудь из раннего!

Вот, в общем, и всё... вернее, почти всё, что есть в книге. Читать осталось немного.

Спасибо за внимание к ней.

ПОСЛЕ СПОРА С РАВНОДУШНЫМИ К ФУТБОЛУ

Поэзия похожа на футбол.
И если кто из вас футбол не любит,
В поэзии он ни хрена не рубит.
Любой, кто не отбил и не обвёл,
Не дал вразрез, не приложился с лёта,
Не получил в колено на бегу,
Ни разу не забил в свои ворота,
В поэзии способен на «агу»,
На безобидный лепет – и не боле.

Я не писал серьёзно о футболе.
Зато я оживал и умирал,
Когда в него, любимого, играл.

* * *

Гале

А вот и кризис.
Вновь. Опять.
Не первый, не последний.
Самое время показать
корявый палец средний
своим безрадостным долгам
и неподъёмным ношам,

взять рюмку,
сесть к твоим ногам
и думать о хорошем.

СТИШОК ДЛЯ
НАКЛЕЙКИ
НА ЗЕРКАЛО

Римский император Отон
был врагом бороды,
но и выглядел, будто он
бреется от бадды.

Полевой командир Муса
повод давал молве,
что он стрижку даёт усам
без царя в голове.

А небритый поэт Пихто
просто давно небрит.
Он, даже если творит ничто,
ведает, что творит.

К*** (акrostих)

Нет, я не создан для блаженства,
Ему чужда душа моя.
Прекрасны ваши совершенства,
И – что? Их не достоин я.
Занудлив, дерзок, груб, помята
Душа, несправедно гоним
И вас люблю любовью брата.
Брат нужен – но не спать же ним!
Легко под этим подпишусь.
Я вам пишу. Хоть я бешусь.

* * *

Сергею Кулееву, поэту

Когда поэту сорок пять,
поэту, чёрт возьми,
охота пить, курить и спать
с хорошими людьми,

и снова пить, курить и спать,
не сочиняя строк.
Когда поэту сорок пять,
такое – не порок,
а состояние души –
своей, а не чужой.

Пиши, Серёженька.
Пиши
стоящим над душой.
Им по фигу твой вискарёк,
твой сон, твой перекур.

Лежи, Серёг.
Пиши, Серёг,
на стыке двух культур.

* * *

Михаилу Казачкову,

самозваному психотерапевту-проктологу, умельцу читать стихи

Добрый доктор Казачков
смотрит в попу без очков
и в неё читает строчки
закорючек и значков.

Доктор, доброе трепло!..
И, глядишь ты, помогло,
прокатило, полегчало,
отпустило, отлегло.

От безделья и тоски,
от дурной её башки,
и от всех других недугов
он читает ей стишки.

Добрый доктор Михаил
почитал, поговорил, –
будто ёршиком прочистил,
как бальзамом напоил.

Пьёт и курит, щурит глаз
и читает ещё раз.
Лечит душу через попу,
как всегда и всё у нас.

Вот и весь стишок о нём.
Вот за это и махнём.
С добрым днём вас, добрый доктор.
Запишите на приём.

* * *

Ладе Химаньч

Поздравляю тебя, Ладка,
все дела!

Только первая тридцатка
тяжела,

только первых три десятка
маета,

а потом – червонцы, Ладка,
как с куста.

Не копи ты годы эти,
лучше – трать,

щедро трать, покуда дети
ценят мать,

щедро трать, покуда мужу
ты жена,

и живи душой наружу
не одна.

...В календарике – четверг,
а между строк:

Ладка! Щедрый человек
не одинок.

Ладка! Шчас вот сигарету
закурю

и ещё раз строчку эту
повторю:

Ладка! Щедрый человек
не одинок.

Ладка! Первых три десятка –
не итог.

Ты живи подольше, Ладка,
как жила.

Всё в порядке.
Твой Филатка.

Все дела.

* * *

*Тамаре Кротовой, другу семьи,
за добродушие и снисходительность к моим закидонам*

Слушайте, товарищи потомки!
Слушай и внимай, святая Русь!
Нынче день рождения у Томки –
значит, обязательно нажрись,

добрым людям в день её рождения
на уши навешаю лапшу,
подожгу лесные насаждения,
Президента в попу укушу,

посреди вселенского погрома
на скаку коня остановлю –
потому что есть на свете Тома.
Потому что я её люблю.

Выйду писать – потушу пожары,
и в Антарктике растает лёд.
В общем, день рождения Тамары...
буду краток: даром не пройдёт!

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ АБСОЛЮТНО РЕАЛЬНОГО
А. ПЕТРОВА, ШИРОКОЙ ДУШИ ЧЕЛОВЕКА,
ТОЖЕ МАТЕРЩИННИКА

У товарища Петрова
на ■■■ стоит корова,
рядом – стадо пастухов,
два писателя стихов,
три преступных группировки
и милиция с Петровки,
рота конного полка,
футболисты ЦСКА,
весь Театр на Таганке,
голые официантки,
Виннету и Чингачгук,
Академия наук,
Путин – сын ошибок трудных,
рядом – две ■■■ды прибудных,
янычар при ятагане,
барды, байкеры, цыгане,
Джимми Пейдж и Роберт Фрипп,
рядом – Алла и Филипп,
Майкл Джексон, детский хор,
■■■нутые дети гор,
кришнаиты, маляры,
непонятный ■■■ с горы,
на Басаева засада,
разведгруппа из Моссада,
триста девяносто три
проститутки из Твери,
ветеран войны в Корее,
стоматологи, евреи,
пролетарии, крестьяне,
дед Мазай, и Дед Мороз,
и еще с десяток пьяни,
накававшейся взасос.

Все стоят – и я стою
у Петрова на ■■■.

И от ■■■ дихлофосом
отгоняю комаров,
весь измученный вопросом:
– Что сказать тебе, Петров?
Что тебе такого в праздник,
в день рожденья пожелать,
чтобы понял ты, проказник,
кого на ■■■ посылать!
Я не просто так с рюмахой
на ■■■ твоём стою!
Помнишь, ты послал нас на ■■■ ?
Всех нас видел на ■■■ ?
В нашей памяти не стёрлись
эти, на ■■■, словеса.
Ты не ждал, а мы припёрлись –
вся упёртая туса.
Мы пришли на ■■■ Петрова,
дружной пьяною гурьбой
чтоб сказать тебе три слова,
лишь три слова:
– ■■■ с тобой.
Слезы вытереть рубахой
в этот день невыходной
и добавить:
– Иди на ■■■ !
С днём рождения, родной!

* * *

*Людмиле Чубаровой,
ответственному редактору «Спид-инфо»
в день её проводов на другую работу*

«Всему времечко своё: лить дождю, Земле вращаться», –
сочинил один любимый замечательный поэт.
С чем-то, милая, припрёт своевременно прощаться,
раз уж вечного на свете ничего, пожалуй, нет.

Это надо пережить. Надо жить, переживая,
привыкая, отвыкая, как прописано судьбой.
То оседлая она, то, напротив, кочевая.
До свиданья, дорогая. Всё путём, Господь с тобой.

Всё, что было да прошло, мы маленько приукрасим.
«Что пройдёт, то будет мило», – сочинил поэт другой.
А чтоб память врачевать только миром и согласьем,
остаюсь твоим покорным, всепокорнейшим слугой.

Остаётся «Спид-инфо» ежемесячной газетой.
Кто-то пишет, кто-то правит – в общем, кто на что горазд.
Ах, Людмила Александровна, компанией вот этой,
если ты не возражаешь, повстречаемся, Бог даст.

А сейчас – обещанная подборка вьюношеских стихов под названием

Д. ФИЛАТОВ: ПЕРВАЯ КРОВЬ

В начале 1982-го, с подачи людей, посчитавших, что я перерос текстовый уровень КСП, пошёл поступать в литературную студию «Сокольники». (Для справки: литстудия – не литобъединение, коих в Москве были десятки, если не сотни. Литстудий в столице тогда имелось, если не ошибаюсь, две – «Сокольники» в ДК им. Русакова и «Магистраль» в ЦДКЖ. И были там не посылки, а учёба – по сути литинститут). Командовал «Сокольниками» блистательный педагог Евгений Соломонович Винников, учитель от Бога, светлая ему память. Ему и студийцам я и зачитал вслух свои тогдашние вирши – как на приёмном экзамене. Читал много, радуясь, что просят еще, подустал, закончил... и такое началось! Где-то с час меня и хвалили, и драконили в пух и прах. Я только краснел, потел и башкой вертел – настолько всё было внятно, страстно, вежливо и беспощадно. Итог, ясное дело, подвел Евгений Соломонович: «абитуриент» одарён, но пишет большей частью ерунду... предлагаю его принять.

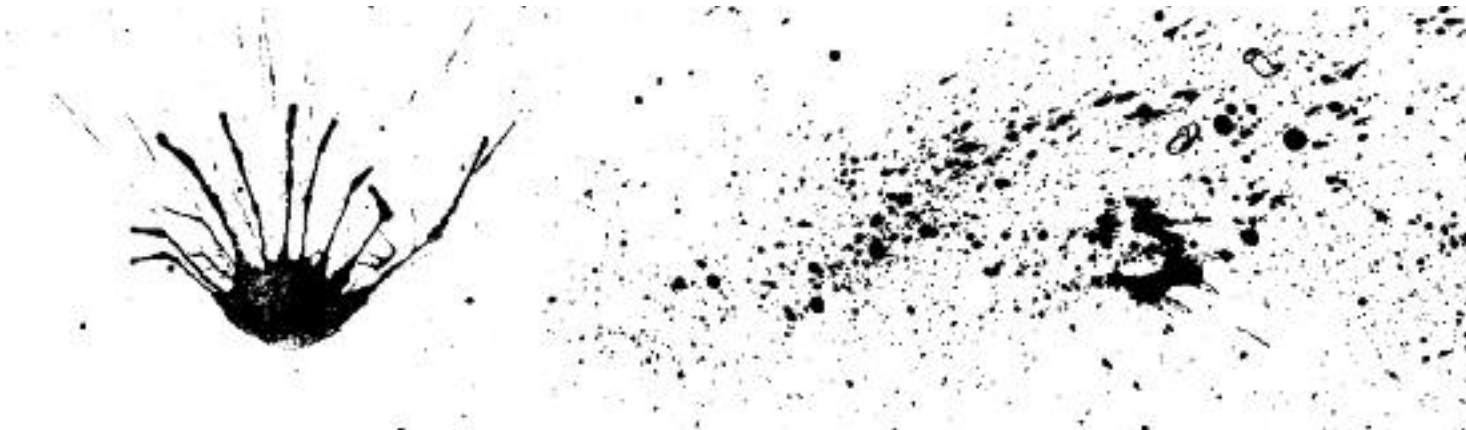
Приняли единогласно – в общность отчётливо и по-доброму талантливых людей.

Было нас с два десятка. Помню всех, хоть и не все достигли более-менее значимых высот. Главный мой тогдашний критик Саша Шойхет (Сашка вправлял мне мозги жёстко, но не жестоко – и мы сдружились) – ныне член Союза писателей Израиля. Одна из защитниц, поэтесса Ира Машинская, сейчас в США – пишет, как и тогда: то есть здорово. Там же, в «Сокольниках», познакомился с Виреном и Овчинниковым, стал их другом.

Низкий поклон Учителю – Евгению Винникову, нашему Соломонычу: за науку, за ревностную ко мне любовь, за первую, так сказать, кровь, выбитую из меня литературой.

...А лупцевали меня в 82-м по делу, но не сплошь – кое за что хвалили. С десятков стихов считали вроде как ничего, пусть живут.

Вот некоторые из них.

* * *

Темнеет раньше, чем заметишь,
И в торопящуюся темень
Ныряют образы и тени,
На улице и на уме – тишь,
Как после трудного застолья,
Когда похмелье – поделом.
Наутро выглянешь спросонья,
А за окном – белым-бело...

Белеет память о вчерашних
Кусочках времени, но разве
Не разобрать, где рыжий праздник,
А где зелёная беда в них?
Нам остаются лишь оттенки,
Так неужели, Боже мой,
Не пережить зимы за стенкой,
Когда внутри – зима-зимой?..

Пока не грянуло затишье,
Пока не всюду власть зимы,
Природа рада дать взаймы.
Бери! Не думай, возвратишь ли.

Бери.

1980 (81?)

* * *

Поговори со мной, прошу.
Поговори. О чём? Не знаю.
Но я слова запоминаю
и, как одежду, их ношу,
ношу и счастлив, потому
что ты одежда не различаешь,
что не по ним меня встречаешь
и провожаешь – не по уму.
Конечно, злые языки
на нас повесят ярлыки,
но можно жить, не замечая
дурного глаза и гордясь,
что эта связь обозначает
какую-то иную связь.
Смешную рожицу сострой,
я улыбнусь, и ты позволишь
мне называть тебя всего лишь
своей неназванной сестрой.

Поговори со мной, сестра.

1980 (81?)

* * *

Михаилу и Борису Кинерам

Ужели, от музыки пьянея, слова становятся умнее? Ужели, уносясь за нею, приобретают новый звук, счастливо избегая фальши, несут нас далее и дальше в гавоте, марше или вальсе до новых радостей и мук?

Ужели в музыке без слова не так пронзительно светло вам, и вкус настолько избалован, что счастье надобно назвать? Ужели в том благополучье, чтоб духа прочные созвучья, чтоб духа вечные созвучья под новой плотью узнавать?

Но, видно, зря нас поучали, что слово вырвалось вначале, что прежде слова прозвучали гармоний хрупкие ряды...

Вы, спорщики, сводите счёты, живую речь вплетая в ноты.

И нет прекраснее заботы.

И есть награда за труды.

1980 (81?)

* * *

Городок как на ладони.
Словно при царе Додоне,
балабонит и долдонит
колокольня:

– Как дела?

– Как обычно – на пределе:

то семь пятниц на неделе,
то плетёшься еле-еле
от мороза до тепла
тех питейных заведений,
где весь день не жалко денег,
а наутро – понедельник
и снаружи, и внутри,
светло-серой поволокой
сумрачных осенних окон
муть, которая до срока
не даёт

перехитрить бестолковое желанье видеть строки зеркалами,
чтобы всё на первом плане – и разлуки, и мосты, и задумчивые
лица, и способность поделиться сбывчивостью небылицы,
как словами немоты, и желание поставить точку – разве лучше
станет, если кто-то перестанет видеть осень, как своё
новогоднее начало, что себя не замечало и поэтому – молчало
за двоих... или вдвоём?

1980 (81?)

ПРО ПОДВОДНЫЙ ЖУРНАЛ

Никите (Киту) Белоусу

– Только из-за того,
Что унять баловство
По-другому сумею едва ли,
Расскажу вам о том,
Как однажды с Китом
Мы «Подводный журнал» издавали.

Мы писали стихи
О рецептах ухи
Из печенья, конфет и ватрушек,
Мы писали о том,
Как полезен планктон
Для почтенных Китовых Старушек.

А потом мы Китом
Говорили от том,
Что к субботе должны быть готовы
Сорок восемь статей –
Мемуары гостей,
Посетивших желудок китовый.

Что же было потом?..
Я писал фельетон
Под коротким названием «Ужас,
или Как извела
баба Рыба-Пила
своего молчаливого мужа»,

А пока я писал,
Кит за четверть часа
Скушал очередь в универмаге,
И приплыли с Китом
Сто одиннадцать тонн
Самой лучшей подводной бумаги...

– А потом?
– Я скучал и листы помечал,
Кит стучал на печатной машинке.
– А потом?
– А потом мы листок за листом
До утра исправляли ошибки.

Пили чай до шести.
Кит меня угостил
Настоящей морской окрошкой.
А вечерней порой
Мы с Китовой Сестрой
Рисовали цветную обложку.

Скат служил ночником.
За печатным станком
Мы стояли два дня и три ночи.
Хоть сошло семь потов,
Но зато был готов
Весь тираж – проверяй, если хочешь!

Прочитают Угри,
Что Акула внутри
Не всегда для Угрей интересна,
И узнает Лосось,
Где купить пылесос,

Полотёр и плетёное кресло.

Прочитает Треска
Интересный рассказ
Маршака и стихи Окуждавы,
Мудрый Дядюшка Сом
Самый модный фасон
Подберёт для парадной пижамы.

Будет Рыба-Пила
И добра, и мила,
И ворчлива в разумных пределах,
Чтобы каждый узнал,
Что «Подводный журнал» –
Это очень полезное дело!

1980 (81?)

А для финала книги я приберёг стихотворение восьмилетней давности.

«Датский стишок» Егору Вирену, или

МОНОЛОГ Е.В.,

у которого как день рождения, так мерихлюндия.

Сочинён как бы от его лица, прочитан у окна квартиры на ул. Качалова, за столом, накрытым Егором для двух друзей

Ночь. Город. Улица. Фонарь.

Хоть бы одну живую тварь, чтоб с ней и водку, и сухарь напополам бы, а там бы ночь легла не зря, и вся печаль – до фонаря. Или, иначе говоря, до лампы!

До лампы всё. О том и речь, что некому её зажечь, чтоб засветилась сбывчей мечт копилка духа. Гори, страданье, милдружок!..

Хоть кто бы фитилёк поджёт, а то достала до кишок непруха.

Гори, гори, моя звезда. Не только грусть мои года. Душа моя давно седа и беспонтова, друзья невелики числом...

Огня полоска за стеклом, а рядом Димка за столом и Вова.

Гори, страдание, гори! Разделим водочку на три, чтобы огонь у нас внутри потух нескоро, и выпьем, каждый свою треть, за то, чтобы ему гореть ровней... родней ему гореть!

И за Егора.

За этот город, эту ночь, за то, чтоб нам хотеть и мочь, хоть изредка бывать точь-в-точь, какими были в начале нашего пути.

Гори, страдание, копти, свети нам.

А куда идти – не до звезды ли?

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. ПОЛЁТ В ТРУБУ

«Опять мы уныло гадаем»	8
«Купил ботинки летние»	9
6 июня	10
«Невозможно работать? Валяй дурака»	10
«Я погладил рубашку белую»	11
О важности запятой (патриотические стихи для чтения вслух)	11
«Чтобы вышло не со злобы»	12
«Что же я не дьяк думный»	12
Стишок про расщеплённое сознание	13
«Никогда я не буду богатым»	14
«Я в мавзолее – ё-ка-лэ-мэ-нэ! – не возлежал недвижимый и ненужный»	14
«Она вошла в сатюлевом плаще»	15
22 апреля («Я был в субботу у друзей»)	16
«Уже который год подряд символизирую идею»	17
О том, как августовским вечером... и т.д.	18
«Короче, всё как у людей»	20
«Всё труднее сочинить»	21
Йог и йод	21
Тихий Ужас	22
«Дай Бог здоровья, и еще звезду на сигарете, и бутылку пива»	23
«Пока не мне сухарики в Бутырку»	23
«До Бога высоко. И до царя так далеко, как высоко до Бога»	24
«Не трендеть о предмете поэзии»	24
«Один палка, два струна»	25
«Главное, что я не одинок»	25
«Кое-что я знаю неплохо...»...	26

«Полегоньку с бородой»	26
«Промашка вышла»	27
«Мы смеялись от анекдота»	28
«До тех пор пока, до тех пор пока, и снова до тех пор»	28
«В голове зажётся вопросец»	29
«Стабилизационный фонд пролился, но не надо мною.	29
«Мой Президент, снизойдя ко мне, может меня убить»	30
«Дали славы, дали денег»	30
«Пойти, что ли, клад поискать»	31
«День дурака в календаре»	31
«Когда работал грузчиком на фирме «Клерасил»	32
«В Интернете, в сетевой газете»	32
«Это я звонил Обаме»	33
«Субподрядчики спёрли идею»	33
«В Академию наук привезли секретный пук»	34
«Сейчас бы граммов триста махнуть за красоту»	34
«Я сполна прочитал про Дозоры»	35
«В четвёртый раз я стал миллионером»	35
«Миллиардеры тоже писают»	36
«В полукреслах сидят полубоги и вещают на тему семьи»	36
«...на Петровку, на Лубянку»	37
«Позор, конечно, на мои седины за то, что я, невежда и debil...»	37
«Бабка за дедку, а дедка за репку»	38
«Ну не пой ты мне Besame Mucho»	38
«Без особого накала (дел и так-то до хера)»	39
«Ветер колышет на крыше жесьть»	40
«Тебе три года. Кухня, выходной...»	40
«Ещё до первых сигарет»	41
«Геннадий Федорович, я листаю вас»	41
«Я живу не в элитном районе»	42
«Есть невеликая зарплата»	42
«Мемуаристов я не озадачу»	43
«Невозможно писать ни о чём»	43

II. ПАРАД ДУРАКОВ и ВЕРА В СЛОВА

Парад дураков

«Из глубины веков иду по дням получки»	46
«Широка страна родная или вдруг – не широка?»	46
«Я – еврей, потому что – казах»	47
«Ты – Россия, я – Москва»	48
«Я люблю тебя, Начальник»	48
«Хорошо тому живётся, у кого одна нога»	49
«Я в жизни не лизал сапог»	50
«Ой, братишки, бабы, ребятишки, где же ваша ЭТА?»	51
«Бастует Серп. Бастует Молот»	52
«По указу Госстриптиза»	52
Стихи о вечном	52
«Не был, не был, не имею»	53
Я, нижеподписавшийся	53
«Антифеминист Л.П. Берия на колено пал перед женщиной»	54
«Философ Бердяев! Художник Шагал!»	55
«У поэта у Евту – то по эту, то по ту»	55
«Я знаю, что не нов, как всякий без штанов»	55
«Смотри, собрат мой! Вот она – Спина Невиданной России!»	55
«На снегу лежит А-Эс, член Политбюро»	56
«Стать задумал депутатом»	58
На возвращение прошлого городу Москве	59
Рассказ Иванова о республиканцах и демокатах	60
«Я пою баррикаду, где покой и уют»	62
«Рвём коммунию в лоскуты»	62
«Поэтика есть политика»	63
«Давайте не будем об этом»	63
«Как много девушек хороших»	64
«Он просто делал ей добро»	64
«Мемориальная доска на глади омута»	64

«Для перемен нужна NN.»	64
«Гражданское мужество –это...»	65
«Для победы над женой»	65
«Стою перед Вами глаза долу»	66
Реалистический романс	67
Передышка	68
«Нет ни водки, ни закуски»	69
«Я купил чернил сел и сочинил»	69
Стансы сухому закону	70
Космополит	71
«У богатого свои причуды»	71
«Февраль – достал “чернил” и вышил»	72
«Призвание – камерный поэт»	72
Поэт и толпа	73
«Не пора ли помолчать?»	73
«Отроду разум ярмом».	74
«Сына за руку веду»,	74
«И чтобы детство уважать...»	75
«Человеку нужен покой»	75
«Нас мало. Нас только один»	76
<i>Вера в слова</i>	
«До свидания, эпоха гарантированных благ»	78
«Судьба играет человеком»	78
«Ни крестом, ни пестом».	79
Стихи о любви к государству	80
«Со спиртом и пепси-колой в четвёртом часу утра»	81
«Над замыслом слезами обольюсь».	82
«Отставить мордобой и блядки»	83
«...А этот снег был так хорош»	84
«Течёт домашняя наливка»	85
«Если Ваши дела не взаимны»	86
«Моё от меня не уйдёт»	87

«И в основном, и в остальном»	87
«Была бы воля, а любовь была бы краткой»	88
«До того дописался, что село пол-Союза на хлеб и на квас»	89
Тема Офелии	90
«Прости, красавица певичка»	90
«В Тимирязевском лесу»	91
Романс о любви к вещам	91
«Написал “снег идёт”...»	92

III. ТЕАТР ОДНОГО ПАРТНЁРА

<i>Для музыкального спектакля «Чудо-ребёнок, или Спасение утопающей, вознаграждённое монархом»</i>	
Ария Витушишникова	95
Ария государя императора Николая Первого	96
Ария Фаддея Бенедиктовича Булгарина	96
Ария Кабатчицы	97
<i>Для спектакля «Евграф, искатель приключений»</i>	
Голос беса в главном герое	98
<i>Для спектакля «Приключения “Красной Пьесы”»</i>	
Песня красноармейского отряда	99
Песня офицера-белогвардейца	100
Песня отряда «зелёных»	100
Песня бродячих актёров	101
Вальсок из спектакля «Завтра была война»	102
<i>Для спектакля «Наш парень при дворе короля Артура»</i>	
Песня-пролог	103
Дуэт средневекового рыцаря и его дамы сердца	104
Песня рыцарей	105
Финальная песня из спектакля «Не ходите, дети, в Африку гулять!»	106
<i>Для спектакля «Сапоги всмятку»</i>	
Реплика Актёра в летах	107
Реплика Комика	108
Реплика Трагика	109
Ария Ключницы	110

Ария Чубуковой	111
Прощальная песня труппы	112
«Загадки Турандот» для спектакля Театра им. Вахтангова, 1991 г.	114

IV. ДАВАЙ НАПИШЕМ И СПОЁМ

«Давай напишем и споём»	118
«Мы по-прежнему стареем»	119
Проводы лета	120
«Аве, Цезарь, друг сердешный».	121
«По дороге фронтовой»	122
Благополучный романс	123

Для группы «Апельсины»

«Немножечко кончается суббота, и до скончания выходного дня...»	125
«В небе звёздочка зажглася»	126
«Ты меня по печёнке ударишь»	127
Письмо в Париж. Анне Королёвой – от бывших московских соседей	128
«Мама развела дядю из ГАИ, как последнего лоха!»	129
«Корпоратив непрестижных профессий»	
Песенка дежурной по эскалатору	130
Песенка гастарбайтерам	131
«Никого не будет в доме, стоит скунса завести»	132
«В чистом поле васильки. Танки Гитлера в Париже»	133

Для «Сестёр по разуму»

«Козлы!»	135
Тихий ливень	136
«Чтоб только он!»	137

V. НЕ КОРЫСТИ РАДИО

«Как в хоккее стало два ЦСКА»	141
«Прилетела к нам команда швейцарская»	142
«Третий день кладу на шишку пятак»	143

VI. ВМЕСТО «ГАВРИЛИАДЫ»

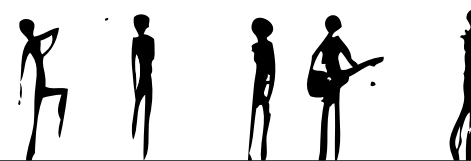
Баллада о примерном муже («Гаврила был примерным мужем»)	147
Спецкору Персицкому («Служил Гаврила журналистом»)	148
Баллада о вечном («Гаврила едет через реку»)	148
Из черновика письма Аполлону Григорьеву	149

VII. ДО ДНА!

После спора с равнодушными к футболу	153
«А вот и кризис. Вновь. Опять»	153
К*** (акrostих)	154
Стишок для наклейки на зеркало	154
«Когда поэту сорок пять»	155
«Добрый доктор Казачков»	155
«Поздравляю тебя, Ладка, все дела!»	156
«Слушайте, товарищи потомки!»	157
На день рождения А. Петрова	158
Людмиле Чубаровой	159

Д. Филатов: первая кровь

«Темнеет раньше, чем заметишь»	163
«Поговори со мной, прошу».	163
«Ужель, от музыки пьянея...»	164
«Городок как на ладони».	165
Про подводный журнал	166
«Ночь. Город. Улица. Фонарь»	168

CheBuk

просто хорошие книги

Дмитрий Филатов

ПОЛЁТ В ТРУБУ
и прочие затеи

Художник: Зоя Фалькова

Редактор: Георгий Вирен
Корректор: Любовь Кирсанова
Технический редактор: Александр Медведев

Москва, CheBuk, 2010 г.

Гарнитуры: Firuga, Neva
Тираж: 500 экз. Формат 200x200 мм
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.

Издательство CheBuk
www.chebuk.ru
de7ign@yandex.ru

